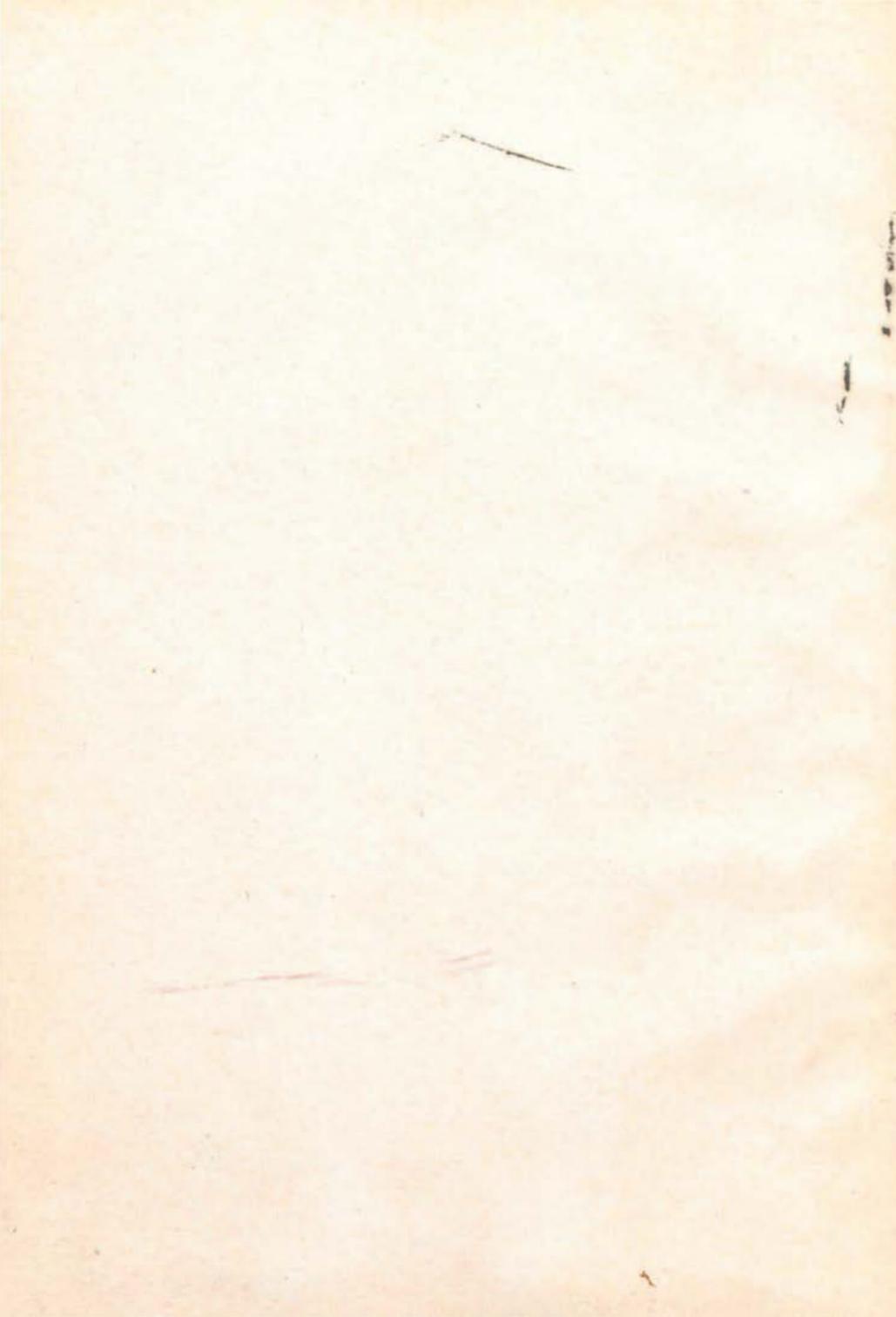

S $\frac{39}{339}$

39
339

Д-ръ С. М. Цыпкинъ.

Менскій

вопросъ.

(Соціологическій этюдъ)

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.

Москва. — 1900 г.

39
339

Д-РЪ С. М. ЦЫПКИНЪ.

ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ.

(Соціологическій этюдъ).

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
МОСКВА.—1900.

Дозволено цензурою. Москва, 10 марта 1906 г.

21260-0

2011136561

I.

Мужъ и жена составляютъ только
полнаго и цѣлаго челоуѣка. Одинъ
поль дополняетъ другой.

Имануиль Кантъ.

Женскій вопросъ представляетъ собою одну изъ самыхъ крупныхъ социальныхъ проблемъ нашего времени. Если обратиться къ разсмотрѣнію этого вопроса въ его историческомъ развитіи или, вообще, сравнить положеніе женщины цивилизованныхъ народовъ съ положеніемъ ея у дикихъ племенъ, то мы легко согласимся съ Гербертомъ Спенсеромъ, что „быть можетъ, ни въ одномъ случаѣ нравственный прогрессъ челоуѣчества не обнаруживался съ большею ясностью“ *).

Между выючнымъ животнымъ и почти полноправнымъ членомъ общества, какимъ, несомнѣнно, является современная женщина передовыхъ народовъ, заключается громадная пропасть.

Улучшеніе женскаго быта обуславливалось прежде всего *общими* причинами и является однимъ изъ многочисленныхъ производныхъ

---

*) Основы социологіи, т. II

одного могущественнаго фактора, именно, прогресса. Съ развитіемъ культуры смягчались постепенно нравы, стало развиваться уваженіе къ личности, гуманное отношеніе къ ближнему, а вмѣстѣ съ тѣмъ уже и къ самому близкому человѣку, какимъ является для всякаго жена.

Начиная со второй половины нынѣшняго столѣтія, женскій вопросъ сталъ въ чрезвычайно сильной степени поглощать общественное вниманіе и особенно жгучій характеръ онъ приобрѣлъ въ послѣднее десятилѣтіе. Прежде всего замѣчается значительное пробужденіе самосознанія среди самихъ женщинъ, что выражается въ постоянно увеличивающемся количествѣ специальныхъ женскихъ клубовъ, а также въ періодически созываемыхъ международныхъ женскихъ конгрессахъ. Число книгъ и брошюръ, посвященныхъ положенію современной женщины, растетъ съ каждымъ днемъ. Все это свидѣтельствуетъ до нѣкоторой степени о томъ, что назрѣла потребность измѣнить бытъ женщины въ направленіи, наиболѣе соответствующемъ степени индивидуальнаго развитія культурнаго человѣка. Повсюду наблюдается стремленіе къ *активному* вмѣшательству въ упомянутый выше процессъ постепеннаго улучшенія женскаго быта. Къ сожалѣнію, большинство этихъ попытокъ вдохновляется соображеніями, ничего общаго не имѣющими съ основною сущностью вопроса. Политическій элементъ очень сильно просвѣчиваетъ въ предлагаемыхъ рѣшеніяхъ.

Консерваторы, слѣдуя хорошо усвоенному ими охранительному шаблону, ратуютъ противъ расширенія женскихъ правъ. Они, впрочемъ, обнаруживаютъ желаніе научно обосновать свои тенденціи, но пользуются для этого давно опровергнутыми фактами о половомъ различіи ^{клетокъ} вѣса мозга и размѣровъ клетокъ мужского и женскаго организма. Либералы, въ противоположность охранителямъ, стоятъ за эмансипацію женщинъ. Эта идея близка ихъ сердцу прежде всего по столько, по сколько въ ней выражень принципъ равноправности. Полной эмансипаціи женщинъ домогаются также и социалисты, такъ какъ она вполне гармонируетъ съ теоріей социалистическаго государства и даже, пожалуй, составляетъ ея *conditio sine qua non*. Между тѣмъ, правильная постановка женскаго вопроса требуетъ изъятія его изъ сферы политической борьбы. Не слѣдуетъ забывать, что этотъ вопросъ затрагиваетъ основы общественнаго строя гораздо глубже, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Скажемъ больше, онъ долженъ въ главныхъ основахъ своихъ разсматриваться наукою о нормальномъ строеніи общества, т.-е. *соціологіей*, тою самою наукою, которая пока еще находится въ примитивномъ состояніи.

Въ классификаціи наукъ, предложенной Огюстомъ Контомъ, соціологія занимаетъ послѣднее мѣсто, предшествуемая біологіей, химіей, физикой, астрономіей и математикой. Поднимаясь по этой лѣстницѣ *чистыхъ наукъ*,

мы постепенно переходимъ отъ наукъ, болѣе точныхъ, къ наукамъ, менѣе точнымъ, отъ наукъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ явленія элементарныя, къ наукамъ, вѣдающимъ явленія сложныя. Исторія развитія чистыхъ наукъ доказываетъ, что открытіе болѣе или менѣе крупнаго закона въ области одной изъ нихъ всегда давало толчокъ впередъ другой наукѣ, непосредственно слѣдующей за первою. Открытіе физическаго закона Ньютона сильно повліяло на дальнѣйшее развитіе химіи и подготовило появленіе химическаго закона Лавуазье о вѣчности матеріи. Біологія пока еще не имѣетъ своего Ньютона. Когда же онъ появится, иначе говоря, когда появится челоуѣкъ, который намъ откроетъ *механическіе* законы формованія органической матеріи, тогда все, происходящее внутри организма, станетъ для насъ яснымъ. Мы получимъ возможность отыскивать законность и во *внѣшней* дѣятельности организмовъ, такъ какъ послѣдняя, вѣдь, представляетъ ничто иное, какъ продуктъ происходящихъ въ нихъ внутреннихъ процессовъ. Тогда сильно подвинется впередъ разработка социологіи, какъ чистой науки. Она не будетъ повтореніемъ біологіи подобно тому, какъ химія не есть повтореніе физики. Она будетъ имѣть свои самостоятельные основные законы, которые будутъ только находиться въ строгомъ согласіи съ основами біологіи въ такой же степени, въ какой послѣдняя гармонируетъ съ данными физики и химіи.

Съ соціологіей не слѣдуетъ смѣшивать, такъ называемыхъ, общественныхъ наукъ, какъ-то: политическая экономія, государственное право и, вообще, всѣ отрасли права. Онѣ суть лишь науки *прикладныя* и находятся въ такомъ же отношеніи къ *чистой* соціологіи, въ какомъ медицина къ физиологіи, химическая технологія къ химіи, агрономія къ ботаникѣ и т. д. Существованіе и содержаніе прикладныхъ наукъ опредѣляются исключительно потребностями окружающей жизни. Поэтому онѣ большею частью появляются гораздо раньше отвѣчающихъ имъ чистыхъ наукъ. Послѣднія лишены утилитаризма и развитіе ихъ опредѣляется, главнымъ образомъ, внутреннею логическою послѣдовательностью фактовъ. Появленіе чистыхъ наукъ съ ихъ болѣе или менѣе точными законами внесло свѣтъ и въ содержаніе соответствующихъ имъ прикладныхъ наукъ и даже въ значительной степени видоизмѣнило ихъ. Въ настоящее время только одна отрасль прикладныхъ знаній почти не имѣетъ еще своего представителя среди чистыхъ наукъ. Это, именно, упомянутыя нами выше общественныя науки. Соціологія, какъ мы сказали, находится еще въ примитивномъ состояніи. Обстоятельство это неизбежно ограничиваетъ масштабъ нашей общественной дѣятельности. Разъ не открыты еще нормальные соціальныя законы, не можетъ быть рѣчи о *радикальномъ* рѣшеніи болѣе или менѣе крупныхъ соціальныхъ проблемъ. Мы не желали бы, чтобы наши

слова были истолкованы въ смыслѣ проповѣди политическаго индифферентизма. Мы желаемъ лишь отмѣтить то, что претендовать на значеніе чего-либо универсальнаго имѣютъ право лишь тѣ мѣропріятія, которыя могутъ быть подведены подъ контроль естественныхъ законовъ природы и гармонируютъ съ тѣми принципами эволюціи, которые успѣли уже вырѣшиться и сдѣлаться достояніемъ науки. Всякого же рода другое вмѣшательство въ теченіе общественной жизни можетъ быть разсматриваемо только какъ необходимое приспособленіе къ временнымъ условіямъ. Оно теряетъ свой смыслъ съ исчезновеніемъ послѣднихъ. Эту грань нужно имѣть всегда въ виду и тогда легко будетъ избѣгать путаницы въ понятіяхъ. Явленіе, вытекающее лишь изъ условій даннаго времени и мѣста, не будетъ возводиться на степень міроваго соціальнаго закона.

Отсутствіе болѣе или менѣ стройно разработанной науки объ обществѣ значительно затрудняетъ коренное рѣшеніе всякаго крупнаго соціальнаго вопроса. Женскій вопросъ въ этомъ отношеніи находится въ нѣсколько болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Прimitивное состояніе соціологін не исключаетъ возможности перенесенія этого вопроса на строга научную почву. Дѣло въ томъ, что основные элементы женскаго вопроса соприкасаются, главнымъ образомъ, съ содержаніемъ *первыхъ* главъ соціологін, тѣхъ самыхъ, которыя довольно дѣятельно разрабатываются уже въ на-

стоящее время. Первые главы социологии, весьма естественно, должны прежде всего заниматься вопросом о *социальной единице*, вопросом, что считать социальным недѣлимымъ, семью или индивидуума. Кроме того, содержание ихъ должно быть посвящено также разработкѣ вопроса о нормальной структурѣ семьи. Данные, выработанныя въ этомъ направленіи социологіей, должны всецѣло лечь въ основу правильного рѣшенія женскаго вопроса. Вопросъ о первичной социальной единицѣ и о структурѣ нормальной семьи имѣетъ первостепенную социальную важность. Въ зависимости отъ торжества того или иного взгляда, должно мѣняться не только положеніе женщины, но и физиономія самаго общества. Между формою семьи и формою общественной организаціи существуетъ строгая связь и даже сильное взаимодѣйствіе. Типъ социальной организаціи вліяетъ на строеніе семьи, съ другой стороны, та или иная семейная организація способствуетъ упроченію соответствующаго ей общественнаго типа. Изслѣдованія Герберта Спенсера*) устанавливають общую связь между воистиннымъ общественнымъ типомъ и полигаміей (многоженствомъ) съ одной стороны и между промышленнымъ типомъ и моногаміей съ другой. Тѣ же изслѣдованія показываютъ, что въ тѣхъ древнѣйшихъ обществахъ, гдѣ существовало безпорядочное сожительство половъ и гдѣ, слѣдовательно, не было домашней организаціи, не

*) Тамъ же.

было и организациі политической. Племена, у которыхъ семья имѣетъ неопредѣленный и непрочный характеръ, остались политически неорганизованными. Самыя же высокія общественныя формы были достигнуты только народами, сложившимися изъ такихъ семейныхъ группъ, которыя выработали предварительно высокую степень организациі. Такимъ образомъ, надо полагать, что и современное общественное устройство опирается на установившуюся форму семьи и что дальнѣйшій прогрессъ въ сферѣ социальныхъ отношеній тѣсно связанъ съ совершенствованіемъ семьи.

Въ силу вышеизложеннаго всякая теорія, стремящаяся къ болѣе или менѣе радикальному переустройству современнаго строя, не можетъ игнорировать семью. Неудивительно поэтому отрицательное отношеніе къ послѣдней со стороны социализма и коммунизма. Торжество этихъ ученій немислимо безъ распадѣнія resp. *дезинтеграціи* семьи. Уничтоженіе семьи составляетъ одинъ изъ основныхъ пунктовъ коммунистической программы. Что касается социалистовъ, то они, правда, такъ рѣшительно не высказываются противъ современной домашней организациі, но ихъ разрушительныя стремленія въ отношеніи къ ней прямо вытекаютъ изъ желанія побольше ограничить содержаніе семейной жизни и этимъ самымъ ослабить ея *raison d'être*. Такъ, знаменитый вожь германскихъ социаль-демократовъ Августъ Бебель въ своей извѣстной монографіи „Женщина прошедшаго, настоящаго

и будущаго“ проповѣдуетъ необходимость изыятія изъ сферы семейной жизни воспитанія дѣтей и передачи заботы о нихъ государству. Затѣмъ, не допуская никакой мысли о неоднородности мужского и женскаго индивидуумовъ, о возможности *специфическаго* взаимодѣйствія между ними помимо половой связи, авторъ сильно подрываетъ интересъ къ семьѣ и приходитъ въ заключеніе къ тому выводу, что дальнѣйшія измѣненія семейной организациі будутъ клониться исключительно въ сторону дезинтеграціи. Да и въ самомъ дѣлѣ, если признавать, что отношенія между мужчиною и женщиною исчерпываются физическою связью и что во всемъ остальномъ они не имѣютъ ничего специфическаго, то невольно теряешь вѣру въ будущее семьи, особенно, если принимать во вниманіе прогрессивное усложненіе условій жизни и параллельно съ этимъ растущую тяжесть жертвъ, связанныхъ съ семейною жизнью. Одно удовлетвореніе половой потребности не въ состояніи оправдывать существованіе семьи и поэтому весьма понятно, если Бебель, какъ бы въ довершеніе удара семейному началу, требуетъ установленія большей свободы въ половыхъ отношеніяхъ.

Совсѣмъ иной оборотъ принимаетъ дѣло, если допустить, что половая связь не есть законченная форма спеціальныхъ взаимныхъ отношеній между обоими полами, что она есть лишь *элементарный* видъ взаимодѣйствія между ними и что міръ взаимныхъ отношеній между

объими половинами рода человѣческаго способенъ дифференцироваться и достигать при этомъ значительной степени сложности. Тогда именно возникаетъ предположеніе, что семья, какъ видъ наиболѣе тѣснаго сожительства, заключаетъ въ себѣ все условія, благоприятствующія упомянутой дифференціаціи, и что между совершенствованіемъ человѣческой индивидуальности и усложненіемъ содержанія семейной жизни существуетъ строгій параллелизмъ. При такихъ условіяхъ связь между супругами можетъ достигать наибольшей прочности и мы можемъ ожидать того, что дальнѣйшее развитіе семейныхъ отношеній будетъ совершаться въ сторону *интеграціи*.

Интеграція и дезинтеграція — это гамлетовское „быть или не быть“ для семьи. Отъ него зависитъ не только будущее женщины, но и самый соціальный строй будущаго. Наука даетъ намъ достаточно матеріала для правильнаго рѣшенія этого вопроса. Благодаря ей мы знаемъ, что въ теченіе безчисленнаго количества вѣковъ во всей вселенной совершается грандіозный процессъ эволюціи, процессъ постепеннаго органическаго развитія. Этимъ процессомъ завѣдуетъ Одна Сила, которая расчленина и сокрыта въ насъ самихъ и во всехъ явленіяхъ окружающей насъ живой и мертвой природы; она же сокрыта и въ явленіяхъ общественной жизни. Всякое явленіе имѣетъ свою эволюціонную лѣстницу, въ основѣ которой лежитъ опредѣленный принципъ и поэтому

вмѣшательство въ процессъ развитія цѣлесообразно лишь тогда, когда оно находится въ строгомъ согласіи и основано на этомъ принципѣ. Въ противномъ случаѣ мы рискуемъ ставить по пути великаго процесса эволюціи плотины, которыя все равно рано или поздно будутъ снесены могучимъ теченіемъ.

Соціологія, несмотря на свое зародышевое состояніе, успѣла уже выяснить, что семья прошла довольно длинный эволюціонный путь. Объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя изслѣдованія, посвященныя исторіи развитія семейныхъ отношеній (Спенсеръ, Тайлоръ, Каутскій, Энгельсъ, М. Ковалевскій и др). Изъ всѣхъ этихъ изслѣдованій, расходящихся между собою только въ пунктахъ, наименѣе интересующихъ насъ въ данномъ случаѣ, явствуетъ, что въ древнѣйшія времена существовало *безпорядочное половое сожительство*. Съ теченіемъ времени, съ появленіемъ зачатковъ политической организаціи, отношенія между обоими полами начинаютъ пріобрѣтать бѣольшую связность и опредѣленность. Въ однихъ случаяхъ связь образуется между одною женщиною и нѣсколькими мужчинами (*полиандрія*), въ другихъ— между однимъ мужчиною и нѣсколькими женщинами (*полигинія*). По мнѣнію Спенсера, многоженство взяло перевѣсъ надъ безпорядочнымъ половымъ сожительствомъ и многомужествомъ и, въ свою очередь, постепенно вытѣснялось *моногаміей*. Последняя есть высшая форма супружескихъ отношеній, такъ какъ при

ней связь между мужчиною и женщиною достигаетъ наибольшей прочности и опредѣленности. Такимъ образомъ, уже одинъ бѣглый взглядъ на исторію развитія отношеній между обоими полами, начиная съ первобытныхъ временъ до настоящаго времени, показываетъ, что человѣчество, постепенно переходя отъ беспорядочнаго полового сожительства къ семьѣ современной, стремилось къ усилению компактности семьи и что, слѣдовательно, въ основѣ эволюціи послѣдней лежитъ процессъ интеграціи.

Установленіемъ моногамической семьи обезпечивается лишь прочность и опредѣленность физической связи. Дальнѣйшее развитіе семейныхъ отношеній, очевидно, должно совершаться уже въ сферѣ *духовной*. Сама моногамическая семья въ своемъ развитіи прошла много стадій. Въ современномъ обществѣ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ переходовъ отъ элементарной физической связи между супругами до самаго сложнаго духовнаго взаимодействія между ними. Чѣмъ компактнѣе семья, тѣмъ больше она приближается къ значенію соціальной единицы. Обстоятельство это въ связи съ несомнѣннымъ фактомъ, что процессъ развитія семейныхъ отношеній носитъ явный характеръ интеграціи, ясно намѣчаетъ намъ основную задачу, которую намъ прежде всего надлежитъ преслѣдовать при рѣшеніи женскаго вопроса. Необходимо, именно, заботиться о поддержаніи семейнаго начала и объ устраненіи преградъ, мѣшающихъ выработкѣ такихъ домаш-

ного общежитія, которыя наиболѣе соотвѣтствовали бы степени культурнаго развитія современнаго человѣка. Если въ настоящее время число женщинъ, остающихся внѣ брака, сравнительно велико, то это зависитъ оттого, что семейная жизнь въ настоящемъ ея видѣ перестаетъ удовлетворять, но ничуть не отъ численнаго перевѣса ихъ надъ мужчинами. По *Фирксу* (цитируемъ по *Бебелю*) существуетъ скорѣе обратный перевѣсъ, именно, на 1.283 милліона населенія земнаго шара приходится $649\frac{1}{2}$ мил. мужчинъ и лишь $633\frac{1}{2}$ мил. женщинъ.

Выше мы высказали предположеніе, что дальнѣйшее развитіе семейныхъ отношеній пойдетъ въ сторону упроченія духовной связи между супругами. Для выясненія послѣдней намъ остается заглянуть внутрь семьи, обратиться къ изученію ея *динамики*, опредѣлить сущность отношеній между мужчиною и женщиною, изслѣдовать, имѣется ли въ нихъ духовный элементъ и подверженъ ли послѣдній процессу дифференціаціи.

II.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ основѣ влеченія мужчины къ женщинѣ и наоборотъ лежитъ какой-то особый видъ элементарной физической силы, дифференцирующей, какъ и всѣ физическія силы, по мѣрѣ того, какъ усложняется ихъ объектъ. Въ своей простѣйшей формѣ эта сила особенно рельефно обнаруживается у низшихъ организмовъ. Наблюдая

половую жизнь инфузорій и зоогонидій морских водорослей, мы видимъ, что у тѣхъ и другихъ мужской индивидуумъ приближается къ женскому и окончательно сливается съ нимъ. Это наводитъ на мысль, что между ними существуетъ какая-то сила притяженія. Нѣкоторые даже склонны объяснять ее тѣмъ, что мужской и женскій организмы заряжены противоположными электричествами. Если подобное предположеніе возможно въ отношеніи къ низшимъ организмамъ, жизненные функціи которыхъ съ большею очевидностью сводятся къ дѣйствию элементарныхъ физическихъ силъ, то къ высшимъ ступенямъ животной лѣстницы оно не можетъ быть примѣнимо. Здѣсь въ основѣ взаимныхъ отношеній между обоими полами лежитъ процессъ нервно-психическій, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, представляетъ собою модификацію электрической энергіи.

Въ настоящее время всѣми принято, что психическія явленія представляютъ особый видъ молекулярнаго движенія. Поэтому идеаль современной психо-физиологіи, по мѣткому опредѣленію проф. *Съченова* *), состоитъ въ томъ, чтобы быть въ состояніи анализировать психическій процессъ такъ же легко, какъ анализируетъ теперь физикъ музыкальный аккордъ. До этого идеала, конечно, еще очень далеко и потому современные психо-физиологи вынуждены пока ограничиваться менѣе глубокимъ

*) Рефлексы годовного

анализомъ. Аналитическимъ предѣломъ служить пока лишь *простѣйшій рефлексъ*.

Отношеніе между обоими полами въ общественной жизни часто опредѣляютъ словомъ *любовь*. Оно обнимаетъ собою *весь* нервно-психическій процессъ, лежащій въ основѣ взаимныхъ отношеній между мужчиною и женщиною. Въ этомъ процессѣ наблюдаются различныя градаціи, различныя степени сложности, такъ что при внимательномъ разсмотрѣніи не трудно здѣсь замѣтить элементы эволюціи. Если это такъ, то неизбежно возникаетъ вопросъ, какой-же принципъ лежитъ въ основѣ эволюціи любви? Относя любовь къ явленіямъ нервно-психическимъ, не трудно дать отвѣтъ на сейчасъ поставленный вопросъ. Очевидно, принципъ будетъ тотъ же, который обуславливаетъ дифференцировку всѣхъ психическихъ явленій. Обратимся къ разсмотрѣнію его.

Внѣшнія проявленія дѣятельности мозга, какъ извѣстно, выражаются исключительно въ формѣ мышечныхъ движеній (сокращеній). Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между человѣкомъ, на какой бы степени умственного развитія онъ не находился, и даже самыми низшими животными. Обыкновенно принято дѣлить по происхожденію всѣ мышечныя движенія на невольныя (безсознательныя) и произвольныя, въ которыхъ участвуетъ сознаніе. По понятіямъ современной психо-физиологіи разница между этими двумя видами движеній лишь *количественная*. Оба они являются въ

результатъ одного и того же нервно-психическаго процесса, въ которомъ можно отличать разныя степени сложности, но который тѣмъ не менѣе вполне однороденъ во всѣхъ своихъ видахъ. Всякое психическое явленіе, какъ бы сложно оно ни было, имѣетъ рефлекторный характеръ. *Рефлексъ*—это универсальный знаменатель, къ которому сводится въ концѣ концовъ весь міръ психическихъ процессовъ. Это своего рода *психическая единица*. Въ наиболѣе типичной и чистой формѣ онъ представляетъ передачу раздраженія съ чувствующаго нерва чрезъ посредство центральнаго нервнаго аппарата (геср. спиннаго мозга) на двигательный нервъ. Послѣдній, въ свою очередь, передаетъ раздраженіе связанной съ нимъ мышцѣ, которая такимъ образомъ возбуждается къ дѣятельности, т.-е. сокращается. Примѣромъ такого рефлекса можетъ служить обезглавленная лягушка, реагирующая нѣкоторое время мышечными сокращеніями на внѣшнія раздраженія. Въ этомъ примѣрѣ совершенно исключена возможность вмѣшательства со стороны головного мозга, а это и составляетъ отличительную черту рефлексовъ *простыхъ*. Кромѣ того здѣсь слѣдуетъ отмѣтить еще 2 явленія: 1) Движеніе происходитъ быстро вслѣдъ за чувственнымъ раздраженіемъ и 2) и то, и другое по продолжительности болѣе или менѣе соответвуютъ другъ другу.

Теперь перейдемъ къ болѣе сложнымъ рефлексамъ. Простѣйшій случай осложненія—это,

когда рефлексъ тѣсно связывается съ какимъ-нибудь *ощущеніемъ*. Всѣмъ извѣстно, что чувство или ощущеніе страха можетъ заставить человѣка пуститься въ *продолжительное бѣгство*. Человѣкъ и животныя подѣ влияніемъ страха очень часто пробѣгаютъ большія разстоянія, не чувствуя при этомъ утомленія. Спрашивается, въ чемъ же состоитъ здѣсь осложненіе? Не трудно подмѣтить, что оно главнымъ образомъ касается процессовъ, происходящихъ въ *среднемъ* членѣ рефлекса, т.-е. въ нервномъ центрѣ. Находящаяся извнѣ причина подѣйствовала на чувствующій нервъ. Раздраженіе передалось нервному центру и возбудило въ немъ *ощущеніе* страха. Слѣдствіемъ же всего этого явился сильный эффектъ, именно, усиленная мышечная реакція, выразившаяся въ продолжительномъ бѣгствѣ. Кромѣ дифференцированія средняго члена рефлекса настоящей случай отличается отъ неосложненнаго рефлекса еще чисто внѣшними признаками. Прежде всего бросается въ глаза несоотвѣтствіе между внѣшнею причиною и вызываемымъ ею эффектомъ: одинъ какой-нибудь образъ можетъ обратить животное въ бѣгство. Далѣе, при простыхъ рефлексахъ, какъ мы выше отмѣтили, движеніе происходитъ *вслѣдъ* за раздраженіемъ. Здѣсь этого не замѣчается. Требуется нѣкоторый промежутокъ времени для сформированія ощущенія. Кромѣ того, бѣгство продолжается очень долгое время послѣ того, какъ вызвавшая его причина устранена. Въ простыхъ рефлексахъ роль цен-

тральныхъ аппаратовъ сводится, въ сущности, къ простой передачѣ возбужденія съ чувствующаго нерва на двигательный. Въ рефлексахъ высшаго порядка между внѣшнимъ воздѣйствіемъ и мышечной реакціей вставляется внутренняя работа, состоящая изъ группъ и рядовъ ощущений, послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга и образующихъ психическую жизнь. Въ автоматическихъ рефлексахъ исключительнымъ факторомъ, опредѣляющимъ ихъ результатъ, т.-е. характеръ мышечной реакціи, является *внѣшнее* возбужденіе. Въ рефлексѣ, осложненномъ ощущениями, оно раздѣляетъ свое вліяніе съ внутреннею работою нервныхъ центровъ. Характеръ движенія уже въ значительной степени опредѣляется характеромъ ощущенія.

Ощущенія никогда не пропадаютъ безслѣдно, а производятъ въ нервныхъ центрахъ (головномъ мозгу) нѣкоторыя измѣненія, въ результатъ которыхъ являются *впечатлѣнія*. Послѣднія, складываясь другъ съ другомъ, даютъ въ суммѣ *представленія*. Такимъ образомъ, непосредственно за рефлексами, сопровождаемыми ощущениями, слѣдуютъ рефлексы, осложненные *представленіями*. Представленія, въ свою очередь, комбинируясь различнымъ образомъ между собою, образуютъ *мысли, идеи*. Въ послѣднемъ случаѣ психическая дѣятельность достигаетъ наивысшаго развитія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ отличія, которыя мы подмѣтили между автоматическими

рефлексами и рефлексами, осложненными ощущениями, проявляются съ большею интенсивностью по мѣрѣ поднятія по психической лѣстницѣ. Представленія составляютъ болѣе сложное явленіе, чѣмъ ощущенія, а мысли и идеи представляютъ результатъ наивысшей дѣятельности головного мозга. Въ справедливости этого убѣждаетъ насъ во-первыхъ, то, что представленія, мысли, идеи разсматриваются какъ различнаго порядка производныя функціи впечатлѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ощущеній, и, во-вторыхъ, при представленіяхъ между мышечной реакціей и внѣшнимъ возбужденіемъ проходитъ еще болѣе большой промежутокъ времени, чѣмъ при ощущеніяхъ. Очевидно, что болѣе сложная работа требуетъ большаго количества времени. Наконецъ, при мысляхъ и идеяхъ промежутокъ этотъ бываетъ очень великъ и считается иногда даже годами. Сюда относится тотъ громадный рядъ явленій, гдѣ психическая дѣятельность остается какъ бы безъ внѣшняго выраженія. Но это только *какъ бы*. На самомъ же дѣлѣ мысль въ концѣ-концовъ разрѣшается какимъ-нибудь дѣйствіемъ. Правда, весьма часто это случается лишь послѣ очень длиннаго промежутка времени.

По мѣрѣ движенія вверхъ по психической лѣстницѣ внѣшнее возбужденіе продолжаетъ утрачивать свое вліяніе на результатъ рефлекса и постепенно передаетъ его среднему члену послѣдняго. При простыхъ рефлексахъ мышечная реакція опредѣляется *исключительно* внѣш-

нимъ импульсомъ. При ощущеніяхъ значительная доля вліянія его передается послѣднимъ. Представленія пользуются въ ущербъ внѣшнему импульсу еще бѣльшимъ вліяніемъ и даже пріобрѣтаютъ рѣшающее значеніе въ рефлексѣ. Мысли же и идеи становятся уже почти полновластными хозяевами его, и часто внѣшняго импульса, повидимому, даже не бываетъ. До такой степени вліяніе его вытѣснено и замѣнено вліяніемъ внутренней работы нервныхъ центровъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю свою незамѣтность, онъ все же существуетъ, ибо мысль сама не зарождается, а только подъ вліяніемъ внѣшнихъ импульсовъ.

Заручившись всѣми вышюизложенными выводами, намъ не трудно будетъ разбираться во *всякомъ* психическомъ явленіи. Для этого необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ производить подробное изслѣдованіе всѣхъ частей рефлекса, степени сложности каждой и вліянія ея на результатъ всего рефлекса. Необходимо также обращать вниманіе на промежутокъ времени, отдѣляющій члены рефлекса другъ отъ друга. Только такого рода изслѣдованіе даетъ возможность ориентироваться въ психическихъ процессахъ и опредѣлять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, имѣемъ ли мы дѣло съ явленіемъ низшаго или высшаго порядка. Поверхностное же, чисто внѣшнее изслѣдованіе намъ ничего не въ состояніи давать, такъ какъ форма внѣшняго проявленія психической дѣятельности по всей лѣстницѣ одинакова. Въ реализаціи самой се-

рѣзной умственной работы человѣка и крайне несложной дѣятельности животныхъ участвуютъ однородные по общимъ свойствамъ физиологическіе органы—мышцы.

Пользуясь данными, полученными нами при обзорѣни психическаго міра вообще, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію частныхъ, въ данномъ случаѣ, къ изслѣдованію сущности психо-физиологическаго взаимодействія между мужчиною и женщиною. Считаемъ нужнымъ при этомъ оговориться, что въ понятіе *любви* мы включаемъ и самыя низшія формы проявленія упомянутаго взаимодействія. Нетрудно догадаться, что въ послѣднихъ долженъ особенно рельефно обнаруживаться рефлекторный характеръ.

Когда мы изслѣдуемъ какое-нибудь явленіе, относящееся къ организованному міру, то для ознакомленія съ прототипомъ его мы обращаемся къ животнымъ, а подчасъ даже и къ растеніямъ. Человѣкъ же, котораго мы привыкли считать вѣнцомъ созданія, воплощаетъ въ себѣ все въ очень дифференцированномъ состояніи. Сравнивая человѣка съ животными съ морфологической ли стороны или физиологической, мы невольно вынуждены ставить его на недосягаемую высоту. Всякое морфологическое или физиологическое явленіе, проявляясь въ чрезвычайно упрощенномъ видѣ на низшихъ ступеняхъ біологической лѣстницы, доходя до человѣка, до того дифференцируется, что трудно бываетъ находить какую-либо связь

между низшею и вышею формою его проявленія. Пропасть, отдѣляющая человѣка отъ животныхъ, особенно велика въ отношеніи психическаго развитія. Но она какъ бы исчезаетъ совсѣмъ въ одной области психическихъ явленій, именно, любви къ женщинѣ. Здѣсь, для отыскиванія примѣровъ чистаго рефлекса намъ не нужно спускаться къ животнымъ. Мы можемъ ихъ смѣло искать въ предѣлахъ человѣческаго общества. Чуть ли не на каждомъ шагу приходится встрѣчать такъ называемыхъ „любителей женщинъ“, которые очень однообразно реагируютъ при видѣ всякой женщины. Реакція эта сводится исключительно къ *половому рефлексу*. Послѣдній состоитъ въ томъ, что зрительное ощущеніе женскаго образа, полученное отъ раздраженія зрительнаго нерва, не задерживаясь долго въ головномъ мозгу, быстро передается по проводящимъ путямъ эрекціонному центру, заложенному въ поясничной части спиннаго мозга. Раздраженіе послѣдняго передается сосудорасширяющимъ нервамъ изъ 1—3 крестцовыхъ нервовъ (*nervi erigentes*) для *arteria profunda p.* и двигательнымъ нервамъ изъ 3—4 крестцовыхъ нервовъ и иннервирующихъ *m-los ischio—cavernosum* и *transversum perinei profundum*.

Половой рефлексъ представляетъ, очевидно, примѣръ чистаго рефлекса и подобно послѣднему поражаетъ своей машинальностью. Тѣмъ не менѣе, мы въ этомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ любовью, любовью, правда, на низшей сте-

пени ея развитія. Констатированіе рефлекторнаго начала въ низшихъ формахъ любви къ женщинѣ имѣетъ *принципіальное* значеніе. То, обстоятельство, что первая ступень любви представляетъ ничто иное, какъ отраженный рефлексъ, въ значительной мѣрѣ облегчаетъ трудную и сложную задачу построенія естественной классификаціи формъ любви. Принципы послѣдней, очевидно, должны быть вполне тождественны съ тѣми, которые лежатъ въ основѣ дифференціаціи рефлексовъ вообще и которые достаточно изложены выше.

Въ половомъ рефлексѣ мы находимъ всѣ существенные признаки, характеризующіе автоматическіе рефлексы. Реакція здѣсь наступаетъ *вслѣдъ* за внѣшнимъ раздраженіемъ и определяется исключительно внѣшнимъ импульсомъ. Кромѣ того, нервныя центры въ половомъ рефлексѣ играютъ роль только передатчиковъ раздраженія съ чувствительнаго нерва на двигательный. Чѣмъ проще рефлексъ, тѣмъ легче условія его образованія. Число дѣятелей, способныхъ вызвать реакцію, тогда очень велико. Это особенно справедливо въ примѣненіи къ половому рефлексу. Мужчина, въ которомъ женщина вызываетъ только половую страсть, реагируетъ такимъ образомъ почти на всякую женщину.

Въ какомъ направленіи измѣняется любовь на дальнѣйшихъ ступеняхъ своего развитія, — это мы себѣ теперь можемъ довольно легко представить. Прежде всего, конечно, внутренняя

работа нервныхъ центровъ будетъ постепенно усложняться. Женщина все болѣе и болѣе будетъ вліять на нашу мозговую дѣятельность, которая соотвѣтственно степени своей сложности будетъ оказывать сильное вліяніе на характеръ заключительной реакціи. Словомъ, значеніе *перво* члена рефлекса будетъ постепенно передаваться *второму* члену и, благодаря этому, реакція будетъ терять свой роковой характеръ. Затѣмъ слѣдуетъ указать еще на одну особенность, которая наиболѣе рельефно должна обнаруживаться въ высшихъ формахъ любви. Чѣмъ сложнѣе чувство любви, питаемое мужчиною къ женщиной, тѣмъ болѣе ограничивается кругъ женщинъ, на которыхъ онъ можетъ реагировать этимъ чувствомъ.

Вышеизложенные научные выводы вполне согласуются съ тѣмъ, что даютъ намъ наблюденія надъ дѣйствительною жизнью. Здѣсь, на ряду съ крайне низменнымъ и однообразнымъ отношеніемъ къ женщинамъ, мы встрѣчаемся также съ, поистинѣ, свѣтлыми примѣрами самой идеальной любви, идеальной не столько по отсутствію элемента плоти, сколько по тому интеллектуальному подъему, который проявляется въ этихъ случаяхъ въ субъектѣ любви. Нерѣдко приходится наблюдать, какъ молодой человѣкъ, полюбивъ дѣвушку, совершенно перерождается. На какой бы аренѣ дѣятельности любовь ни застигла его, эта дѣятельность становится значительно шире, благодаря появляющемуся подъему энергіи. Тонусъ жизни повы-

шается, предѣлы возможнаго сильно расширяются. Немудрено, если при такихъ условіяхъ получаетъ толчекъ впередъ индивидуальное развитіе. Высшія формы любви тѣмъ именно, характеризуются, что субъектъ любви постоянно домогается *одобренія* со стороны любимой женщины — обстоятельство, обуславливающее ихъ прогрессивный характеръ. Во имя и въ виду предмета любви возникаетъ стремленіе къ совершенію подвиговъ, содержаніе и характеръ которыхъ опредѣляется духовнымъ складомъ любящихъ. Въ средніе вѣка, когда физическая сила была въ большомъ почетѣ, рыцари во имя *дамы сердца* стремились отличиться именно съ этой стороны.

Поощряющій взглядъ любимой женщины — это одна изъ самыхъ могущественныхъ силъ. Его можно уподобить солнечному лучу, который, падая на зеленый листъ растенія, вызываетъ въ немъ грандіозный химическій синтезъ. Поощряющій взглядъ любимой женщины — это тоже крупная *синтетическая* сила, ибо онъ въ состояніи направлять мозгъ мужчины къ самой широкой продуктивной дѣятельности. Обрисованное нами продуктивное вліяніе женщины есть, очевидно, явленіе вышаго порядка, во-первыхъ, по столько, по сколько оно вноситъ въ психическую жизнь мужчины элементъ *сложнаго* рефлекса, отличающагося, какъ намъ уже извѣстно, тѣмъ, что внѣшній импульсъ вызываетъ въ мозгу громадную внутреннюю работу, приобретающую въ рефлексѣ господ-

ствующую роль. Кроме того, здѣсь отмѣчается еще одно явленіе, характеризующее высшіе рефлексы: реакція, на первый взглядъ, опредѣляется исключительно тѣми процессами, которые происходятъ въ мозгу, гспр. 2-омъ членѣ рефлекса, такъ что даже не всегда легко бываетъ опредѣлить связь между данною женщиною и обширною дѣтельностью, обнаруживаемою человѣкомъ съ момента зарожденія въ немъ чувства любви. Роль женщины въ этихъ случаяхъ можно, пожалуй, сравнить съ дѣйствіемъ ферментовъ*). Третье явленіе, имѣющее мѣсто въ приведенномъ выше примѣрѣ—это крайне разнообразный и сложный характеръ реакціи, которая притомъ наступаетъ не мгновенно, а послѣ нѣкотораго, иногда, очень и очень продолжительнаго промежутка времени. Въ этой реакціи, правда, имѣетъ мѣсто и то явленіе, которымъ обыкновенно разрѣшается половой рефлексъ, съ тою только разницею, что въ высшихъ формахъ любви оно утрачиваетъ свой доминирующій характеръ. Вспомнимъ только, что въ реализаціи самой сложной умственной дѣятельности съ одной стороны и автоматическихъ рефлексовъ съ другою участвуетъ одинъ и тотъ-же аппаратъ, именно, мышечный. Нѣчто аналогичное мы встрѣчаемъ и въ любви къ женщинѣ. Здѣсь тоже способъ реализаціи—общій для всѣхъ

---

*) Ферменты — это вещества, будучи употреблены, обыкновенно, въ ничтожномъ количествѣ, способны однимъ своимъ присутствіемъ вызывать химическое превращеніе другихъ веществъ, сами не вступая въ составъ образующихся продуктовъ.

формъ ея. Но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, однообразіе въ способѣ реализаціи психическаго процесса нисколько не предрѣшаетъ еще степени сложности его.

Между половымъ рефлексомъ, этимъ прототипомъ любви, и приведеннымъ выше примѣромъ высокаго чувства существуетъ цѣлая пропасть. Послѣдняя выполнена цѣлымъ рядомъ промежуточныхъ формъ, точное изображеніе которыхъ невозможно при современномъ состояніи психо-физиологическаго анализа. Мы можемъ лишь указать на одну важную реакцію, при помощи которой получается возможность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить характеръ любви — это именно сравненіе періодовъ жизни мужчины до и послѣ зарожденія въ немъ любви. Если въ жизни любящаго субъекта наступаютъ измѣненія въ смыслѣ большей прогрессивности и содержательности, если самыя цѣли и задачи жизни сдѣлались шире, то такая любовь должна считаться явленіемъ высшаго порядка, такъ какъ наиболѣе дифференцированныя формы любви, какъ мы видѣли, характеризуются, именно, своею продуктивностью.

До сихъ поръ мы говорили исключительно о вліяніи женщины на мужчину. Теперь необходимо нѣсколько коснуться обратнаго вліянія, иначе говоря, разсмотрѣть въ процессѣ взаимодѣйствія между обоими полами роль мужского индивидуума. Несомнѣнно, что въ простѣйшихъ случаяхъ оно вполне тождественно съ первымъ.

Мужчина и женщина въ совершенно одинаковой степени могутъ служить другъ для друга источникомъ полового рефлекса. Но это еще не предрѣшаетъ вопроса о томъ, насколько роли ихъ одинаковы и однородны въ высшихъ формахъ любви. Если между двумя какими-нибудь явленіями существуетъ нѣкоторое *различіе*, то оно наиболѣе ярко выступаетъ въ ихъ дифференцированномъ состояніи, въ противоположность *сходству*, которое улавливается лучше и легче всего въ элементарныхъ формахъ. Рельефнымъ доказательствомъ этого положенія можетъ служить организованный міръ. Для всякаго ясна разница между растеніемъ и животнымъ. Между тѣмъ, разница эта довольно трудно отмѣчается на первыхъ ступеняхъ біологической лѣстницы. Какъ извѣстно, существуетъ масса низшихъ организмовъ, относительно которыхъ ученые еще не пришли къ окончательному заключенію, куда ихъ слѣдуетъ отнести, къ растительному или къ животному царству.

У низшихъ формъ животныхъ мы не встрѣчаемъ различія половъ. Размноженіе совершается путемъ простого дѣленія и посредствомъ почкованія. У болѣе развитыхъ формъ бесполой способъ размноженія замѣненъ половымъ. При этомъ встрѣчаются виды, у которыхъ мужскіе и женскіе половые органы соединены въ одномъ индивидѣ. Это есть, такъ называемый, *гермафродитизмъ*. Дальнѣйшее измѣненіе состоитъ въ строгомъ раздѣленіи половъ, такъ что

мужскіе и женскіе половые органы находятся уже на разныхъ индивидахъ. Съ этого момента, собственно говоря, и начинается различіе мужской и женской индивидуальности. Трудно допустить, чтобы явное стремленіе природы къ дифференціаціи половъ ограничилось одною, матеріальною сферою. Глубокое анатомическое различіе, хотя бы даже только въ одной области (половой), не можетъ не отражаться на психической организаціи половъ. Если незначительныя модификаціи со стороны тѣлосложенія, лежащія въ основѣ дѣленія людей на расы, племена, даютъ основаніе говорить о психологій расъ и народовъ, то мы съ не меньшимъ правомъ можемъ говорить о психологій мужской и женской. Такъ какъ *различіе*, какъ мы выше сказали, наилегче улавливается въ наиболѣе дифференцированныхъ фазахъ развитія, то становится очевиднымъ, что для рѣшенія вопроса о *соизмѣримости* мужского и женскаго индивидуумовъ самымъ подходящимъ матеріаломъ могутъ служить лишь слои общества, находящіеся на высокой степени умственного развитія. Да и самое различіе слѣдуетъ искать, главнымъ образомъ, въ томъ, что составляетъ отличительную черту культурнаго челоука, именно, въ особенностяхъ его духовной организаціи, въ характерѣ молекулярныхъ процессовъ мозговой субстанціи, которые пока еще недоступны даже самому вооруженному глазу и о которыхъ поэтому мы можемъ судить лишь по внѣшнимъ проявленіямъ ихъ.

Если существуетъ разница въ духовной организаціи мужчины и женщины, то она должна также сказываться и въ дифференцированныхъ формахъ любви. Мы уже указывали на то, что чѣмъ выше форма любви, тѣмъ шире и сложнѣе процессы, вызываемые женщиною въ мозгу мужчины. Это увеличеніе интенсивности внутренней работы центральныхъ нервныхъ аппаратовъ, въ свою очередь, обусловливаетъ наступленіе новой эры въ жизни любящаго, эры самой дѣятельной и полной жизни, въ теченіе которой все лучшее, до тѣхъ поръ находившееся въ скрытомъ состояніи, получаетъ необыкновенное развитіе. Нерѣдко приходится быть свидѣтелемъ самыхъ изумительныхъ метаморфозъ: прежній пигмей превращается чуть ли не въ титана. Мы сравнили это могущественное вліяніе женщины съ дѣйствіемъ ферментовъ. И дѣйствительно, сама не принимая непосредственнаго участія въ дѣятельности любящаго и возлюбленнаго человѣка, женщина тѣмъ не менѣе однимъ своимъ посщряющимъ взглядомъ опредѣляетъ интенсивность и направленіе ея.

↳ Совершенно иное происходитъ съ женщиною подъ вліяніемъ любви. Любимый человѣкъ образуетъ собою центръ, вокругъ котораго вращается ея дальнѣйшая жизнь. Послѣдняя даже на первый взглядъ отъ этого суживается. На самомъ же дѣлѣ это не такъ, ибо участіе и отношеніе женщины къ окружающему міру большею частью опредѣляется черезъ посред-

ство дѣятельности возлюбленнаго. А такъ какъ послѣдняя есть результатъ *ея* вліянія, то и выходитъ, что ширина и достоинство жизни женщины съ момента зарожденія любви прямо пропорціонально степени продуктивности измѣненій, вызываемыхъ ею въ жизни возлюбленнаго и любящаго мужчины. Женщина всегда окончательно сливаетъ свою жизнь съ жизнью возлюбленнаго, внося въ нее элементъ вдохновляющей силы. Въ этихъ случаяхъ *теоретическая* роль ея выступаетъ съ необыкновенною ясностью. Въ возможности выполнять эту роль, вытекающую изъ особенностей психической организаціи женщины, и заключается истинное счастье, къ которому инстинктивно стремится всякая женщина.

Весьма интересенъ съ точки зрѣнія сейчасъ изложеннаго взглядъ знаменитаго нѣмецкаго поэта Шиллера, высказанный имъ въ статьѣ, подъ заглавіемъ „*О необходимыхъ границахъ при употребленіи прекрасныхъ формъ*“. По мнѣнію Шиллера, „женскій полъ, если бы онъ и не господствовалъ красотою, долженъ былъ бы называться прекраснымъ уже потому только, что подчиняется красотѣ, привлекаетъ все, что ему встрѣчается, предъ судилище чувства, и все, что не соотвѣтствуетъ ему или же его оскорбляетъ, теряетъ для женщины всякое значеніе. Къ этому обязываетъ ее весь внутренній строй ея существа. Женщина всегда стремится изъ окружающаго ее міра извлекать красоту, при чемъ самое представленіе о кра-

сотѣ, равно какъ и область интересующихъ ее явленій, вполне опредѣляются степенью ея умственного развитія“. Особенно подчеркиваемъ послѣднее обстоятельство, такъ какъ оно составляетъ явленіе первостепенной важности. Въ любви законъ приспособляемости обнаруживается весьма рельефно. Всякій мужчина, чтобы добиться взаимности со стороны предмета своей любви, совершенно невольно принаравливаетъ свою дѣятельность къ вкусамъ любимой женщины. Благодаря этому количественное и качественное содержаніе его жизни представляетъ *прямую функцію* отъ умственного развитія женщины.

Шиллеръ затрогиваетъ, между прочимъ, и вопросъ объ отношеніи женщины къ наукѣ. По его мнѣнію, „женщина ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должна по своей природѣ раздѣлять науку съ мужчиною, но черезъ посредство изображенія можетъ съ нимъ раздѣлять истину. Необходимо только, чтобы она была изложена въ соотвѣтствующей женскому вкусу формѣ, именно, красивой“. Если Шиллеръ правъ, то природа не безъ умысла наградила женщину упомянутою особенностью. Это съ ея стороны уловка въ интересахъ умственного прогресса. Пояснимъ примѣромъ. Если кто либо, занимающійся наукою, полюбитъ женщину, степень умственного развитія которой дѣлаетъ ее способною къ воспріятію красотъ науки, то работа такого человѣка будетъ сильно влигивать въ своей плодотворности. Чтобы

улавливать красоту и грандіозность научных истинъ и быть въ состояніи соотвѣтствующимъ образомъ излагать ихъ, нужно особенно хорошо знать предметъ изложенія. А разъ это такъ, то и выходитъ, что женщина невольно заставляетъ мужчину глубоко нырять въ океанъ фактовъ, ибо, только со дна послѣдняго извлекаются крупныя истины науки. Только серьезное и подробное изученіе фактовъ, касающихся какого либо явленія, даетъ возможность подмѣтить въ немъ идею, внутреннюю гармонию, а вмѣстѣ съ тѣмъ уже и элементъ красоты—этотъ неизбѣжный спутникъ гармоніи. Такимъ образомъ, научный дѣятель, поставленный въ вышеупомянутыя условія, не рискуетъ потонуть въ безднѣ изучаемыхъ имъ фактовъ и вполне гарантированъ отъ перспективы не видѣть лѣса изъ-за деревьевъ. Для удовлетворенія своего естественнаго желанія посвятить предметъ своей любви въ сущность своей дѣятельности, онъ, выражаясь словами Шиллера, будетъ стремиться перенестись изъ міра отвлеченія, своей области, въ міръ воображенія, впечатлѣнія, въ которомъ женщина въ одно и то же время и судья, и образецъ. Если вліяніе женщины въ сферѣ науки весьма благотѣльно для мужчины, то и сама женщина изъ этого очень много пользы извлекаетъ для себя. Вкусъ*), — говоритъ Шиллеръ,—сглаживаетъ природное разли-

---

*) Подъ вкусомъ Шиллеръ въ данномъ случаѣ, очевидно, подразумѣваетъ вышеупомянутую особенность духовной организаціи женщины, именно, стремленіе къ красотѣ.

чіе души мужчины и женщины: онъ питаетъ и украшаетъ душу женщины произведеніями души мужчины и даетъ возможность прекрасному полу чувствовать то, надъ чѣмъ онъ не думалъ, и наслаждаться тѣмъ, надъ чѣмъ онъ не трудился.

Приведенный взглядъ Шиллера представляетъ для насъ большой интересъ по столько, по сколько онъ подтверждаетъ предположеніе о существованіи различія между психическою организаціею мужчины и женщины. Это различіе, очевидно, должно выступать особенно рельефно въ отношеніи къ наукѣ, такъ какъ научный процессъ принадлежитъ къ наиболѣе сложнымъ проявленіямъ нашего ума. Такимъ образомъ, мы, быть можетъ, имѣемъ здѣсь одинъ изъ случаевъ, когда геній поэта, благодаря необыкновенно тонкой психической организаціи, предвосхищаетъ въ болѣе общихъ чертахъ то, что впоследствии дѣлается въ опредѣленной и точной формѣ достояніемъ науки.

Еще болѣе опредѣленно, чѣмъ Шиллеръ, высказывается объ особенностяхъ духовной организаціи женщины *Вокль*. Въ статьѣ „*О вліяніи женщины на успѣхи знанія*“ онъ указываетъ на то, „что умъ женщины отличается преобладающею, врожденною и, вѣроятно, неискоренимою особенностью, которая даетъ имъ не способность дѣлать научныя открытія, а могущественно и благотворно вліять на методъ, съ помощью котораго производятся эти открытія“.

Женщины, по мнѣнію Бокля, по природѣ своей предпочитаютъ дедуктивный методъ индуктивному. Это объясняется тѣмъ, что „онѣ воспріимчивѣе мужчинъ, скорѣе увлекаются, обладаютъ болѣе живымъ воображеніемъ, а потому онѣ живутъ болѣе въ идеальномъ мірѣ, тогда какъ мужчины при своей болѣе холодной, твердой и суровой организаціи болѣе подчиняются силѣ фактовъ“. Благодаря этому обстоятельству, „женщины, поощряя въ мужчинахъ дедуктивный образъ мысли, оказали громадную, хотя и безсознательную, услугу прогрессу знанія тѣмъ, что помѣшали ученымъ изслѣдователямъ сдѣлаться исключительно индуктивными, какими стали бы они безъ вліянія женщинъ“. По словамъ Бокля, большинство замѣчательныхъ людей рѣшительно подчинялось вліянію женщинъ не только со стороны чувства, но и въ умственномъ отношеніи. Тѣ же, которые не поддавались этому вліянію, обнаруживаютъ въ своемъ развитіи неполноту и уродливость. Въ самомъ ихъ геніи мы замѣчаемъ нѣкоторую холодность и напрасно ищемъ той пылкой энергіи, стремительности и порывистости, которая мы привыкли неразлучно соединять съ понятіемъ о геніи. Поэтому, желающіе расширенія нашихъ знаній, должны желать усиленія вліянія женщинъ“.

Сходство между взглядами Шиллера и Бокля поразительно. Великій нѣмецкій поэтъ и знаменитый англійскій мыслитель пришли, какъ

мы видимъ, къ совершенно одинаковымъ выводамъ. Оба они устанавливають существованіе различія въ психической организаціи обоихъ половъ, при чемъ отмѣчаютъ въ женскомъ умѣ теоретическій характеръ. Какъ Шиллеръ, такъ и Бокль признають влияніе женщинъ на научную дѣятельность мужчинъ благодѣтельнымъ, и приблизительно одинаково, только въ разныхъ выраженіяхъ, изображаютъ намъ самый механизмъ этого влиянія, который въ этомъ изображеніи носитъ характеръ вполне ферментативный.

Сторонники эмансипаціи женщинъ всегда съ большимъ ожесточеніемъ ополчались противъ всякой мысли о неоднородности мужской и женской индивидуальности, такъ какъ видѣли въ ней почему-то угрозу принципу равноправности. Но это, по нашему мнѣнію, крупное недоразумѣніе, находящее до нѣкоторой степени объясненіе въ томъ, что неоднородность до самаго послѣдняго времени понималась слишкомъ реально. Въ настоящее время разсужденія о различномъ вѣсѣ мозга, о различіи въ размѣрахъ клѣтокъ мужского и женскаго организма отошли въ область легенды и все рѣже и рѣже повторяются. Профессоръ *Вальдегеръ*, знаменитый анатомъ, который еще нѣсколько тому назадъ основывалъ свой взглядъ на женскій вопросъ на анатомическихъ данныхъ, въ послѣднее время *) высказывается лишь за

*) *Русскія Видомости*, 1898 г. № 260, статья «Германскіе университеты».

„половое различіе въ умственной дѣятельности“. *Такое* различіе безусловно существуетъ и никоимъ образомъ не можетъ быть оспариваемо. Его ничто не въ состояніи сгладить, и дальнѣйшій умственный прогрессъ будетъ еще болѣе рѣзко оттънать. Во избѣжаніе недоразумѣнія слѣдуетъ при этомъ принимать во вниманіе, что подъ *неоднородностью* двухъ индивидуумовъ нельзя ни въ какомъ случаѣ подразумевать, что одинъ изъ нихъ выше или ниже другого. Понятіе неоднородности исключаетъ именно *количественный* характеръ различія и мы вполнѣ присоединяемся къ слѣдующимъ словамъ *Джона Рёскина**): „Мы безумны, непростительно безумны, говоря о превосходствѣ одного пола надъ другимъ, какъ будто ихъ можно сравнивать. Одинъ обладаетъ тѣмъ, чего недостаетъ другому, и они взаимно восполняются. Они ни въ чемъ не тождественны и счастье и совершенство обоихъ зависятъ отъ того, что одинъ желаетъ и получаетъ отъ другого все то, что только онъ и можетъ дать“.

Человѣческой организмъ закончилъ, по крайней мѣрѣ на долгое время, свое анатомическое и физиологическое развитіе. Дальнѣйшее совершенствованіе и дифференцировка будутъ совершаться въ сферѣ психической. Условія жизни все болѣе и болѣе усложняются, количество научныхъ фактовъ растетъ съ неимоверною быстротою. Параллельно этому неизбежно

*) «Воспитаніе, книга, женщина» стр. 45.

должно идти совершенствованіе нашего мозгового аппарата, въ противномъ случаѣ чело-вѣчеству угрожала бы перспектива умственного банкротства. Мы, быть можетъ, переживаемъ періодъ, переходный къ установленію болѣе совершенной въ психическомъ отношеніи чело-вѣческой разновидности. Въ пользу этого говоритъ тотъ несомнѣнный фактъ, что количество нервныхъ заболѣваній растетъ съ каж-дымъ днемъ. Этотъ фактъ указываетъ на со-вершающееся вырожденіе *слабыхъ* индивидовъ— обстоятельство, обязательно сопутствующее процессу совершенствованія вида и предше-ствующее появленію высшаго типа. Процессъ совершенствованія чело-вѣческой личности, раз-умѣется, захватываетъ одинаково обѣ поло-вины чело-вѣческаго рода. Чѣмъ дальше, тѣмъ рельефнѣе будетъ выступать психическое раз-личіе между мужчиною и женщиною и со-отвѣтственно этому будетъ увеличиваться не-обходимость во взаимномъ дополненіи половъ.

III.

Разсматривая исторію развитія семейныхъ отношеній, мы ясно видѣли, что основную идею ея составляетъ стремленіе къ интеграціи и что установленіемъ моногамической семьи процессъ интеграціи еще не исчерпанъ. Мы указывали на то, что эволюція теперь будетъ касаться исключительно внутренняго содержанія семей-

ной жизни и что увеличеніе компактности семьи будетъ совершаться, главнымъ образомъ, въ сферѣ духовнаго взаимодействія супруговъ. Чтобы выяснитъ сущность послѣдняго, мы подвергли психо-физиологическому анализу отношенія между мужчиною и женщиною и нашли, что они представляютъ собою очень сложный міръ, въ которомъ встрѣчаются переходы отъ самыхъ элементарныхъ формъ, формъ грубо-реальныхъ, къ весьма дифференцированнымъ видамъ взаимодействія, гдѣ реальная подкладка теряетъ свой доминирующій характеръ. Параллельно съ этимъ для насъ выяснилась психическая несоизмѣримость обоихъ половъ, которая особенно рѣзко выступаетъ въ высшихъ формахъ любви, гдѣ роли женщины и мужчины наиболѣе разграничены и раздѣлены.

Если существованіе семьи находитъ свое оправданіе уже въ одной исторіи ея развитія, то данныя психо-физиологическаго анализа и фактъ несоизмѣримости половъ обосновываютъ ее *логически*. Въ самомъ дѣлѣ, если мужчина и женщина нуждаются во взаимномъ дополненіи, то наиболѣе благоприятнымъ условіемъ для этого можетъ служить лишь моногамическая семья — этотъ самый тѣсный видъ сожительства, въ которомъ интересы супруговъ наилучшимъ образомъ связаны между собою. Будущее несомнѣнно принадлежитъ семьѣ и мы, на основаніи всего вышеизложеннаго, можемъ себѣ легко представить *нормальный* типъ ея. Согласно этому типу, семья должна пред-

ставлять собою компактный въ духовномъ и физиологическомъ отношеніяхъ организмъ, который будетъ такимъ образомъ соответствовать Контовскому опредѣленію семьи, какъ социальной единицы. Принимая во вниманіе замѣченный нами ферментативный характеръ женскаго вліянія, можно приблизительно опредѣлить характеръ внутреннихъ отношеній въ такой семьѣ. Мужъ въ нормальной семьѣ изображаетъ собою *механизмъ*, а жена силу, приводящую послѣдній въ движеніе. Эта схема, между прочимъ, вполне отвѣчаетъ взгляду *Рёскина* на назначеніе женщины. Остановливаясь на разсмотрѣннн отличительныхъ свойствъ обоихъ половъ, Джонъ Рёскинъ говоритъ слѣдующее: „Мужчина дѣятеленъ, прогрессивенъ и является охранителемъ. Онъ, по преимуществу, дѣятель, творецъ, изобрѣтатель, защитникъ. Его интеллектъ чисто спекулятивный и изобрѣтательный; его энергія пригодна для предпріятій, для битвъ и завоеваній. Но сила женщины заключается въ *управленіи* *), а не битвахъ, и ея интеллектъ пригоденъ не для изобрѣтеній, а для порядка, правильнаго устройства и рѣшенія“.

‡ Семья, въ которой упомянутымъ образомъ распределены роли супруговъ, отличается большою продуктивностью въ широкомъ смыслѣ этого слова и, согласно формулъ развитія **) Герберта Спенсера, гласящей, что развитіе

*) Куревъ *нашъ*.

**) *Основныя начала* гл. XV.

есть изменение несвязной однородности въ связную разнородность, представляет несомнѣнно явленіе высшаго порядка. Связь между супругами здѣсь наиболее прочная, а функции ихъ совершенно разнородны. Общество же, составленное изъ такихъ единицъ, есть самое нормальное и имѣетъ поэтому все шансы на прогрессивное развитіе. На этомъ основаніи можно вполне согласиться съ *Миллемъ* *), что „настоящее возрожденіе человѣчества начнется лишь тогда, когда самыя основныя человѣческія отношенія будутъ поставлены въ нормальныя условія“.

Въ началѣ настоящей статьи мы указали на то, что женскій вопросъ находится въ благопріятныхъ условіяхъ, сравнительно съ другими социальными проблемами, такъ какъ необходимыя элементы, на которые должно опираться рациональное рѣшеніе его, составляютъ содержаніе первыхъ главъ социологіи, тѣхъ самыхъ, которыя уже въ настоящее время довольно дѣятельно разрабатываются. Поэтому практическіе выводы, вытекающіе изъ содержанія этихъ главъ, должны имѣть значеніе нормъ *универсальныхъ*, обязательныхъ для всякаго времени и мѣста и не вносящихъ ничего искусственнаго въ общественное развитіе. Предыдущимъ изложеніемъ ясно намѣчается главная задача, которую слѣдуетъ преслѣдовать при

*) О подчиненіи женщины.

рѣшеніи женскаго вопроса — это именно *поддержка семейнаго начала*. Она должна лечь въ основу естественной политики по женскому вопросу и сводиться къ устраненію преградъ, тормозящихъ эволюцію семьи въ сторону духовной интеграціи.

Для осуществленія указанной выше схемы нормальной семьи обязательно, чтобы сила соотвѣтствовала степени сложности механизма. А это будетъ легко достижимо только тогда, когда индивидуальное развитіе женщины будетъ поставлено въ такія же благопріятныя условія, въ какихъ находятся мужчины. Не всякая женщина можетъ въ отношеніи къ извѣстному мужчинѣ играть роль силы. Чѣмъ выше умственное развитіе послѣдняго, тѣмъ, при современныхъ условіяхъ, меньше количество женщинъ, могущихъ осуществить для него типъ нормальной семьи. Между тѣмъ культурный человѣкъ не въ состояніи находить счастье внѣ такой семьи. Чѣмъ интеллигентнѣе человѣкъ, тѣмъ большею удаленностью отъ рефлексивныхъ дѣйствій отличаются его поступки. Въ интересахъ гармоніи такой же характеръ должны носить и его отношенія къ женѣ. Если же это, къ сожалѣнію, очень часто не имѣетъ мѣста, то причина тому большею частію кроется въ недостаточномъ умственномъ развитіи жены. Такая жена не можетъ служить для своего мужа источникомъ сложныхъ интеллектуальныхъ рефлексовъ. Мужъ же, соединенный съ нею нерасторжимою механическою связью,

поневоля вынужденъ эксплуатировать лишь то, что можетъ доставлять ему жена, и отношенія между супругами такимъ образомъ пріобрѣтають исключительно чувственный характеръ. При такихъ условіяхъ семья не можетъ отличаться особенною прочностью потому, что число женщинъ, способныхъ вызывать простые, resp. половые рефлексы, неизмѣримо велико. Семейная жизнь, основанная исключительно на этихъ рефлексахъ, къ тому еще оказываетъ очень сильное деморализующее вліяніе на дальнѣйшую жизнь интеллигентнаго мужчины, внося въ нее рѣзкій диссонансъ и понижая ея достоинство.

Вокругъ cadaго лица существуетъ извѣстная тонкая граница, за которую никто не смѣетъ переступить. Каждый имѣетъ свою индивидуальность, въ предѣлы которой никто не смѣетъ вторгаться. Уважать эти границы можетъ лишь человекъ извѣстной степени культуры. Чѣмъ ниже умственное развитіе человека, тѣмъ шире представляются ему границы позволительнаго вмѣшательства въ чужую душу. Въ силу непосредственности своей натуры онъ никогда не соразмѣряетъ своихъ поступковъ съ этими границами. Въ этомъ состоитъ самая мучительная и трагическая сторона браковъ между лицами разной степени культуры. Въ такихъ случаяхъ совместная жизнь супруговъ превращается въ какой-то адъ и такая семья составляетъ патологическую клетку въ социальномъ организмѣ.

Женщина составляет главный стимулъ нашей жизни. Вся наша дѣятельность въ концѣ-концовъ совершается во имя ея, въ виду нея и одухотворяется ею. Если на одинъ моментъ представить себѣ, что съ лица земли исчезъ прекрасный полъ, то жизнь какъ бы потеряла бы свой *raison d'être* и въ состояніи были бы опуститься самыя могучія руки. Правда, не все мы любимъ, но у всехъ насъ въ душѣ существуетъ идеалъ любви. Этотъ идеалъ можетъ долгое время замѣнять намъ самый предметъ любви до появленія его. Къ этому идеалу, обыкновенно, проэцируются все наши высшія стремленія. Интересъ къ жизни и живой дѣятельности поддерживается надеждою, что идеалъ любви получитъ осуществленіе, и мы стараемся совершить какъ можно больше подвиговъ въ сферѣ своей дѣятельности, чтобы сложить ихъ къ ногамъ любимой женщины и заслужить ея одобренія. Последнее, впрочемъ, достигается лишь тогда, когда складъ ума женщины и ея основныя стремленія соотвѣтствуютъ характеру нашей дѣятельности. Тогда жизнь мужчины, направляемая идеаломъ, продолжаетъ свой поступательный ходъ впередъ, когда идеалъ замѣщенъ дѣйствительнымъ предметомъ любви. Но когда на нашемъ пути появляется женщина, чуждая всему тому, что составляетъ особенность и достояніе нашей души, и противорѣчащая содержанію всей нашей прошедшей жизни, то такая женщина не можетъ быть источникомъ силы. Она становится

злымъ геніемъ дальнѣйшей жизни мужчины, она не замѣщаетъ идеала, но *вытѣсняетъ* его. О прогрессѣ тогда, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Нить жизни какъ бы прерывается и теченіе ея пріобрѣтаетъ характеръ инертный и безцѣльный. Въ дѣйствіяхъ человѣка исчезаетъ всякая послѣдовательность, ибо идеаль, дававшій имъ раньше направленіе, затуманивается. Мужчина, который по своей энергіи и умственному развитію способенъ былъ на цѣльную, систематическую и крупную дѣятельность, начинаетъ влачить жалкую жизнь изо дня въ день. Въ слѣдующихъ мрачныхъ краскахъ рисуетъ *Милль* *) положеніе такого человѣка: „Нерѣдко случается видѣть, какъ молодой человѣкъ съ богатыми задатками, женившись, перестаетъ развиваться. Если жена не тянетъ мужа впередъ, то она непремѣнно задерживаетъ его. Онъ перестаетъ интересоваться тѣмъ, что не интересуетъ ее, перестаетъ искать и, наконецъ, прямо избѣгаетъ общества, въ которомъ прежде находилъ удовольствіе, видя въ немъ упрекъ за измѣну прежнимъ убѣжденіямъ. Высшія функціи ума уже не вызываются къ дѣятельности; ихъ замѣнили себялюбивые интересы. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и человѣкъ не узнаетъ самого себя; онъ уже сравнялся съ тѣми посредственностями, для которыхъ денежный расчетъ и мелкое тщеславіе составляютъ единственныи интересъ жизни“.

---

*) Тамъ же.

Рискъ, который представляетъ при современныхъ условіяхъ для культурнаго человѣка вступленіе въ бракъ, очень великъ. Онъ прямо пропорціоналенъ степени умственнаго развитія молодого человѣка и подчасъ связанъ съ потерей всего духовнаго достоянія. Отъ этого сильно страдаютъ прежде всего интересы самаго общества, такъ какъ указанное обстоятельство должно невыгодно отражаться на количествахъ заключаемыхъ браковъ.

Признавъ семью за первичное социальное недѣлимое, за *conditio sine qua non* нормальнаго строенія общественнаго организма, мы тѣмъ самымъ выдвигаемъ на первый планъ заботы объ уменьшеніи количества незамужнихъ и неженатыхъ. Мужчина въ бракъ еще можетъ долгое время жить выработаннымъ имъ идеаломъ любви, при чемъ все-таки онъ всегда имѣетъ въ виду, что этотъ идеалъ когда-нибудь да осуществится. Женщина же незамужняя есть явленіе еще болѣе ненормальное. Она представляетъ собою только блуждающую силу, лишенную возможности примѣненія. Ни въ чемъ другомъ женщина не можетъ находить удовлетворенія и ничто не въ состояніи замѣнить ей семейную жизнь, которая при нормальной постановкѣ даетъ наибольшій просторъ развитію ея индивидуальныхъ особенностей. Въ интересахъ увеличенія количества браковъ слѣдуетъ прежде всего принять мѣры къ ослабленію риска, связаннаго съ вступленіемъ въ бракъ. Это возможно лишь въ томъ случаѣ,

если знаменатели прогрессій умственного развитія мужчины и женщины будутъ приблизительно одинаковы. Нынѣшнее положеніе, при которомъ прогрессивно растетъ различіе въ умственномъ достоинствѣ обоихъ половъ, должно быть устранено. Оно неизбежно ведетъ къ сокращенію духовнаго элемента въ отношеніяхъ между мужчиною и женщиною и вмѣстѣ съ тѣмъ уже, конечно, къ упрощенію ихъ. Послѣднее обстоятельство является сильнымъ тормазомъ для эволюціи семейныхъ отношеній, такъ какъ выработка болѣе совершенныхъ формъ семьи обязательно идетъ рука объ руку съ усложненіемъ духовнаго взаимодействія между супругами.

Если низшее и среднее образованіе для лицъ обоюго пола поставлено, приблизительно, въ одинаковыя условія, то этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать относительно высшаго образованія. Высшее образованіе женщинъ находится пока еще въ зачаточномъ состояніи. Поэтому для устраненія дисгармоніи въ обществѣ необходимо широко раскрыть для женщинъ двери высшихъ учебныхъ заведеній. Это одно изъ самыхъ могучихъ средствъ укрѣпленія семейнаго начала. Между тѣмъ, какъ это ни странно, противъ этого сильно ратуютъ тѣ, которые особенно громко кричатъ объ опасностяхъ, угрожающихъ семьямъ и которые видятъ въ этомъ крикѣ свое *profession de foi*. Мы разумѣемъ, такъ называемыхъ, охранителей, которые въ своей консервативной близорукости и невѣ-

дѣнии не подозрѣваютъ, что, ополчаясь противъ женскаго образованія, они роютъ глубокую пропасть между обѣими половинами рода человѣческаго и этимъ совершаютъ въ отношеніи къ семьѣ не менѣе разрушительную работу, чѣмъ, напримѣръ, коммунисты. Мало того, коммунистическія стремленія къ дезинтеграціи семьи гораздо меньше угрожаютъ ей, чѣмъ защита „охранителей“. Взгляды коммунистовъ на семью вытекаютъ изъ проповѣдуемаго ими экономическаго ученія. Осуществленіе этихъ взглядовъ поэтому тѣсно связано съ торжествомъ соотвѣтствующей имъ экономической системы. Последнее же, по крайней мѣрѣ для подавляющаго большинства, представляетъ еще вопросъ довольно открытый. Дѣятельность же нашихъ „охранителей“, лишенная основныхъ принциповъ, встрѣчаетъ гораздо меньше препятствій, а иногда бываетъ даже очень успѣшна. Это особенно примѣнимо къ такъ называемымъ переходнымъ временамъ, характерную черту которыхъ составляетъ шатаніе принциповъ и идеаловъ. Тогда именно дѣятельность реакціонеровъ получаетъ особенное развитіе, такъ какъ въ такія времена указанный нами основной пробѣлъ труднѣе замѣчается и легче прощается. Наши реакціонеры, къ сожалѣнію, упорно игнорируютъ то обстоятельство, что все, совершающееся во всей вселенной, сводится къ процессу развитія, что ничто въ концѣ-концовъ не можетъ его миновать и что „краеугольные камни“, „устои“ и „основы“ превра-

падаютъ въ пустые звуки, какъ только они изъяты изъ сферы этого процесса.

Прежде, чѣмъ развивать далѣе нашу основную мысль, считаемъ нужнымъ предварительно предупредить одно возраженіе, которое легко можетъ быть намъ сдѣлано, именно, что мы занимаемся женскимъ вопросомъ примѣнительно только къ одному общественному классу — интеллигенціи. Отвѣтомъ на это можетъ служить уже одно соображеніе, что число умственно развитыхъ людей растетъ и будетъ расти, что интеллигенція—это классъ будущаго. Поэтому *коренное* рѣшеніе всякой болѣе или менѣе основной социальной проблемы, главнымъ образомъ, должно имѣть въ виду интеллигентнаго человѣка, *его* особенности, *его* потребности. Въ противномъ случаѣ, наши выводы пріобрѣтаютъ характеръ временный по столько, по сколько мракъ и невѣжество составляютъ явленіе переходящее. Если всякое активное вмѣшательство въ процессъ социальной эволюціи можетъ быть оправдываемо только тогда, когда оно гармонируетъ съ основными принципами послѣдней, ибо только при такомъ условіи оно способствуетъ дальнѣйшему поступательному движенію, то, съ другой стороны, всегда необходимо начинать съ послѣдней ступени, съ того фазиса развитія, въ которомъ процессъ находится въ данное время. Тогда только мы можемъ быть увѣрены, что продолжаемъ эволюціонный путь въ его естественномъ направленіи. Руководствуясь этими соображеніями, слѣдуетъ считать

незыблемымъ лишь такое рѣшеніе женскаго вопроса, которое имѣеть въ виду прежде всего потребности интеллигенціи. Такого рода рѣшеніе имѣеть за себя будущее и будетъ тѣмъ болѣе универсальнымъ, чѣмъ выше будетъ подниматься уровень умственнаго развитія общества.

Примѣняясь именно къ потребностямъ интеллигентнаго человѣка, мы считаемъ дѣломъ первостепенной соціальной важности высшее образованіе женщинъ. Самое благоразумное — это допустить женщинъ во *всю* высшія учебныя заведенія. Природный инстинктъ при такихъ условіяхъ самъ подскажетъ женщинѣ настоящую дорогу, на которой ея индивидуальность можетъ получить наилучшее развитіе. Частичное же допущеніе къ высшему образованію приноситъ только вредъ, такъ какъ вноситъ много искусственнаго въ общественную жизнь. Когда передъ молодою дѣвушкою по окончаніи гимназіи поставлена глухая стѣна, когда молодая энергія и силы не находятъ себѣ простора и выхода, она, весьма естественно, бросается въ первую попавшуюся щель, не задумываясь надъ тѣмъ, насколько цѣлесообразенъ избранный путь и насколько онъ соотвѣтствуетъ складу ума и призванію женщины.

Если устраненіе преградъ есть необходимое условіе свободнаго развитія, то, съ другой стороны, спеціальнаго поощренія заслуживаютъ тѣ мѣропріятія, которыя подсказываются данными науки. Съ этой точки зрѣнія особымъ

покровительствомъ должно пользоваться *университетское* образованіе женщинъ. Это прямо вытекаетъ изъ вышеизложенныхъ нами разсужденій о женскомъ умѣ, какъ умѣ, по преимуществу, *теоретическомъ*. Широко раскрывая передъ женщиною двери университетовъ, мы можемъ быть твердо увѣрены, что толкаемъ ее на путь естественный, не противорѣчащій ея психической организаціи, путь, на которомъ ея духовные задатки могутъ достигнуть наибольшаго расцвѣта.

Университетъ *)—это школа, въ которой духовный міръ молодого человѣка пріобрѣтаетъ наиболѣе стройную организацію. Здѣсь у него формируется міросозерцаніе, благодаря чему достигается нѣкоторая цѣльность натуры, значительно ограничивающая сферу случайнаго, въ дѣятельности каждаго человѣка. Съ этой точки зрѣнія знакомство съ чистыми науками обязательно для лицъ обоего пола. Но въ то время, какъ для мужчины за умственными интересами слѣдуютъ еще интересы экономическаго свойства, которые заставляютъ его обращаться также къ изученію специальныхъ наукъ, женщина можетъ вполне ограничиваться университетскимъ образованіемъ, оставаясь внѣ сферы экономической борьбы. Это примѣ-
нимо, конечно, къ *нормальному* обществу, т.-е.

---

*) Подъ *университетомъ* мы подразумѣваемъ въ данномъ случаѣ лишь тѣ факультеты, въ которыхъ преподаются исключительно *чистыя* науки. Сюда, очевидно, не относится медицинскій факультетъ, который слѣдовало бы выдѣлить въ специальное заведеніе, какъ это имѣетъ мѣсто въ Петербургѣ.

къ такому, въ которомъ всѣ молодые люди женятся и всѣ дѣвушки выходятъ замужъ. Въ нормѣ истинное мѣсто и назначеніе женщины находится въ семьѣ. Въ интересахъ наилучшаго выполненія своей миссіи женщина должна быть свободна отъ *непосредственнаго* участія въ борьбѣ за существованіе. По этому поводу мы не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи привести слѣдующія прекрасныя слова *Джона Рёскина*: „Домъ, по самой природѣ своей, долженъ быть мѣстомъ мира, защитою не только отъ всякаго оскорбленія, но и отъ всякаго страха, сомнѣнія или раздѣленія. Но какъ только тревоженія внѣшней жизни проникають въ него, онъ перестаетъ быть домомъ и становится частью внѣшняго міра. Если же домъ— святое мѣсто, храмъ сердца, охраняемый домашними богами, предъ лицомъ которыхъ могутъ предстать только согрѣтые любовью, то его кровля и очагъ суть благородные символы, сѣни скалы въ пустынной странѣ и свѣтъ маяка въ бурномъ морѣ“.

Вмѣшивая жену въ детали житейской борьбы, мы искусственно загрязняемъ тотъ источникъ, который въ трудныя минуты жизни можетъ послужить великую службу. При благопріятныхъ *условіяхъ* женщина въ семьѣ создаетъ атмосферу нравственной чистоты, которая дѣйствуетъ исцѣляющимъ образомъ на раны и удары, получаемые внѣ дома, и парализуетъ вредныя послѣдствія тяжелой борьбы за существованіе, часто изнашивающей идеалы свѣтлой юности

и вносящей подчасъ разложеніе въ нравственный міръ человѣка.

Если высшее образованіе способно поселять въ каждомъ человѣкѣ отвращеніе ко всему элементарному, которое эволюціонной теоріей нравственности отождествляется съ пошлымъ, и стремленіе ко всему сложному, дифференцированному, отождествляемому тою же теорією съ высокимъ, благороднымъ, то вліяніе его на женщину особенно интенсивно, такъ какъ въ самой природѣ женщины заложено стремленіе къ красотѣ, ко всему грандіозному и идеальному. Въ силу этого благотворное вліяніе женщины въ высшихъ формахъ семейной организациі будетъ сказываться въ томъ, что она будетъ препятствовать жизни мужа принимать буднично - мелочный характеръ и поддерживать тонъ его отношеній къ окружающему на извѣстной высотѣ. Высшія же формы семейнаго общежитія возможны только между людьми умственно развитыми. Чѣмъ выше степень умственнаго развитія супруговъ, тѣмъ болѣе выдѣляется различіе въ ихъ психической организациі, тѣмъ значительнѣе надобность въ взаимномъ дополненіи, тѣмъ рѣзче расчленены ихъ функціи.

Мы достаточно, надѣмся, выяснили тѣ условія, при которыхъ женщина является для мужа ангеломъ-хранителемъ, направляющимъ его на путь прогресса. Къ сожалѣнію, ей не всегда приходится выполнять столь благородную миссію. Причина этого кроется въ низкомъ, сра-

внительно съ мужчинами, уровнѣ умственнаго развитія, что, въ свою очередь, очень часто лишаетъ ее возможности сливать свои интересы съ интересами мужа. Сплошь и рядомъ приходится наблюдать, какъ жена вырабатываетъ себѣ свой особый міръ, міръ, подчасъ полный мишуры и суеты, клиномъ врѣзывающійся въ жизнь мужа. Не получая образованія, достаточнаго для выработки міросозерцанія, опредѣленнаго и сознательнаго отношенія къ окружающему, женщина нашего времени, въ большинствѣ случаевъ, является существомъ, всѣ дѣйствія которой носятъ случайный характеръ. Благодаря недостаточному же образованію, современная женщина въ своей психической жизни отличается крайнею ограниченностью соответствія во времени и пространствѣ, что, въ свою очередь, обуславливаетъ жизнь, посвященную только интересамъ минуты. Все это, вмѣстѣ взятое, ставитъ ее очень часто въ семьѣ въ положеніе инороднаго тѣла. Типъ такого рода женщинъ, подъ названіемъ *Левантинка*, прекрасно обрисованъ *Альфронсомъ Додэ* въ его извѣстномъ романѣ „Набобъ“. Левантинки— это крупное зло для всякаго соціальнаго организма, такъ какъ онѣ вносятъ элементъ разложенія въ жизнь его составныхъ частицъ. Въ ихъ лицѣ женщина невольно мститъ обществу за свое умственное порабощеніе, подтачивая самыя основы семейной организаціи.

Всякое явленіе въ нашей жизни подвержено процессу развитія. Изъ этого процесса не можетъ

и не должна быть исключена женщина. Лишая ее образованія, этого универсальнаго фактора прогресса, мы сильно препятствуемъ ей само-бытному индивидуальному развитію. Между тѣмъ опытъ показываетъ, что, когда мы тормозимъ процессъ развитія, онъ избираетъ себѣ патологическіе пути. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно считать нормальнымъ явленіемъ міръ суеты и мелкаго тщеславія съ его флиртомъ и адюльтеромъ, который наполняетъ жизнь многихъ, такъ называемыхъ, свѣтскихъ женщинъ? Все въ этомъ мірѣ утончено и производитъ на первый взглядъ какъ будто впечатлѣніе чего-то дифференцированнаго. Но это только суррогатъ развитія. Въ дѣйствительности же такая женщина, какъ бы далеко она ни ушла по патологическому пути развитія, представляетъ все-таки собою существо элементарное, нисколько не возвышающееся надъ тою ступенью, отъ которой начался уклонъ въ сторону ненормальнаго.

IV.

Проповѣдуя необходимость университетскаго образованія для женщинъ, мы при этомъ менѣе всего имѣемъ въ виду *экономическіе* интересы послѣднихъ. Вопросы экономического свойства представляютъ интересъ, главнымъ образомъ, для извѣстной группы женщинъ, именно, тѣхъ, которыя почему-либо остаются внѣ брака. Самое существованіе такой группы

составляетъ явленіе, относящееся къ области патологической соціологіи. Тѣмъ не менѣе интересы этой группы вполне справедливо требуютъ допущенія женщинъ къ разнымъ профессіямъ и въ соответствующія этимъ профессіямъ спеціальныя высшія учебныя заведенія. Женщина, не состоящая въ бракѣ, имѣетъ право требовать, чтобы ей предоставлена была возможность зарабатывать свой хлѣбъ на поприщѣ любой отрасли труда. Но всѣ мѣропріятія, вытекающія изъ этихъ требованій, не должны быть возводимы на степень міровыхъ нормъ. Не слѣдуетъ забывать, что они временны по столько, по сколько преходящи порождающія ихъ причины, и что на нихъ можно смотрѣть лишь какъ на акты приспособленія къ даннымъ условіямъ времени и мѣста. Точно также интенсивность этихъ мѣропріятій должна строго отвѣчать интенсивности самихъ условій. Принимая же во вниманіе то положеніе, по которому соціальной единицей является семья, слѣдуетъ радикальными мѣрами, имѣющими значеніе для всякаго времени и мѣста, считать лишь тѣ, которыя имѣютъ цѣлью увеличеніе количества нормальныхъ браковъ. Сюда относятся заботы о томъ, чтобы сдѣлать семью болѣе соответствующею потребностямъ современнаго культурнаго человѣка, чтобы были устранены всѣ невыгодныя стороны брака и чтобы женщинѣ была предоставлена возможность развить благодѣтельныя стороны ея вліянія на другую половину человѣческаго рода.

Съ точки зрѣнія этихъ заботъ допущеніе женщинъ въ университеты пріобрѣтаетъ значеніе крупнаго соціального фактора, способнаго обезпечить челоѣчеству дальнѣйшее правильное развитіе.

За допущеніе женщинъ къ университетскому образованію высказался *проф. Вальдейеръ* *) въ рѣчи, произнесенной имъ по случаю вступленія въ должность ректора берлинскаго университета. Къ сожалѣнію только, мотивы, руководящія въ этомъ вопросѣ почтеннымъ ученымъ, имѣютъ слишкомъ узкій характеръ. Мы должны, говоритъ онъ, открыть дѣвѣ, которой приходится выйти изъ семьи и добывать себѣ средства къ существованію, возможность жить и умственнымъ трудомъ. Подобнаго рода чисто экономическая точка зрѣнія на значеніе университетскаго образованія лишаетъ послѣднее универсальной важности и низводитъ его на степень спеціальнаго мѣропріятія, приспособленнаго лишь къ экономическимъ интересамъ, ограниченной, притомъ, группы людей. Университеты, какъ разсадники чистаго знанія, должны быть чужды утилитаризма, какъ въ сферѣ научнаго изслѣдованія, такъ и въ области преподаванія, и не должны служить поэтому никакимъ другимъ интересамъ, кромѣ интересовъ духовнаго развитія. Для удовлетворенія экономическихъ потребностей, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ, существуютъ высшія профессиональныя школы. Университеты

*) Тамъ-же.

же менѣ всего пригодны для этихъ цѣлей. Последнее подтверждается прямо указаніями опыта, согласно которымъ университеты болѣе всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній повинны въ созданіи громаднаго класса образованнаго пролетаріата. Происходитъ же это оттого, что въ общественное сознаніе еще недостаточно проникла необходимость рѣзкаго разграниченія основныхъ задачъ университета и профессиональной школы.

§ Мы не можемъ согласиться также со взглядомъ профессора Вальдейера на самую постановку женскаго университетскаго образованія. Основываясь на различіи между психической организацией мужчины и женщины, на различіи въ способностяхъ, въ усваиваніи, въ мышленіи, проф. Вальдейеръ высказывается за учрежденіе особыхъ женскихъ университетовъ.

Почтенный ученый, очевидно, совершенно упускаетъ изъ вида, что чистымъ наукамъ чужда способность приспособляться къ чему бы то ни было. Зерна научныхъ истинъ даютъ всюду здоровые ростки, на какую бы почву они ни падали. Мужчина и женщина сами инстинктивно будутъ извлекать изъ преподаваемыхъ имъ наукъ все то, что можетъ способствовать самобытному развитію ихъ индивидуальностей. Истина же должна добываться и преподаваться какъ таковая. Въ виду этого одного уже учрежденіе особыхъ университетовъ представляется намъ совершенно излишнимъ. Гораздо цѣлесообразнѣе и практичнѣе *открыть*

женщинъ двѣри существующихъ университе- товъ. Совмѣстное прохожденіе университетскаго курса молодыми людьми обоего пола можетъ имѣть еще самыя благодѣтельныя послѣдствія для воспитанія молодежи. Всѣмъ извѣстно, что всякій молодой человѣкъ, по окончаніи гимназій, представляетъ собою лишь сырой матеріаль, изъ котораго можетъ быть вылѣплено все, что угодно. Съ поступленіемъ въ университетъ начинается самая страдная пора въ его жизни. Онъ начинаетъ пріобрѣтать болѣе опредѣленную фізіономію. Въ духовномъ мірѣ его возникаетъ подѣ влияніемъ той или другой системы научныхъ знаній громадная строительная работа. Въ итогѣ послѣдней получается то, что онъ изъ человѣка, до тѣхъ поръ *непосредственно* реагировавшаго на окружающее, превращается въ индивидуума, способнаго на самыя сложные умственные рефлексы. Всякое явленіе, мимо котораго онъ раньше проходилъ равнодушно, теперь въ состояніи вызывать въ немъ рядъ самыхъ серьезныхъ мыслей. Только отношенія къ женщинамъ, къ сожалѣнію, очень часто ускользаютъ отъ благотворнаго вліянія университетскаго періода. А между тѣмъ этотъ именно періодъ какъ разъ соотвѣтствуетъ тому возрасту, когда формируются отношенія мужчины къ женщинѣ. Если въ *этомъ* періодѣ поставить молодого человѣка въ близкое соприкосновеніе съ женщиною на почвѣ умственныхъ интересовъ, что неизбѣжно должно имѣть мѣсто при совмѣстномъ прохожденіи ими университет-

скаго курса, то этимъ самымъ несомнѣнно будетъ пополненъ сейчасъ указанный пробѣлъ въ университетскомъ воспитаніи. При такихъ условіяхъ обязательно появится духовное сотрудничество и соревнованіе между молодыми людьми обоого пола, благодаря чему отношенія между ними примуть наиболѣе дифференцированный характеръ. Такимъ образомъ, молодой человѣкъ по окончаніи университета будетъ представлять собою цѣльную личность, дѣйствія которой во *всѣхъ* отрасляхъ жизни будутъ сильно удалены отъ простѣйшихъ рефлексовъ. Онъ не будетъ обнаруживать непосредственности натуры также и въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ, а это одно уже дѣлаетъ его способнымъ къ проявленію высшихъ формъ любви и къ соотвѣтствующимъ послѣднимъ типамъ семейнаго общежитія.

Все вышеизложенное вполне рельефно доказываетъ, что на допущеніе женщинъ въ университетъ нельзя смотрѣть, какъ на частную мѣру, отвѣчающую экономическимъ интересамъ ограниченной категоріи женщинъ. Оно, скорѣе, относится къ числу мѣропріятій, имѣющихъ міровое значеніе, такъ какъ можетъ повести къ преобразованію существующихъ отношеній между обоими полами и вмѣстѣ съ тѣмъ уже и внутренней жизни семьи.

Мы далеки отъ мысли представить въ настоящей статьѣ окончательное рѣшеніе женскаго вопроса. Наша задача значительно скромнѣе

и сводится, главнымъ образомъ, къ устраненію существующей въ этомъ вопросѣ путаницы, къ отдѣленію главнаго отъ второстепеннаго и, наконецъ, къ выясненію того, какіе шаги могутъ быть предприняты въ женскомъ вопросѣ, стро¹го оставаясь въ предѣлахъ данныхъ, выработанныхъ научной соціологіей. Кромѣ того, въ кругъ нашихъ намѣреній входитъ желаніе до¹казать, что въ женскомъ вопросѣ возможны только *два* кардинальныя точки зрѣнія, вполне противоположныя между собою и потому приводящія къ совершенно различнымъ заключеніямъ. Въ основѣ всякой болѣе или менѣе систематической политики, касающейся женскаго вопроса, должна лежать одна какая-нибудь изъ этихъ точекъ зрѣнія.

Первая точка зрѣнія не признаетъ никакихъ другихъ *специфическихъ* отношеній между мужчиною и женщиною, кромѣ половыхъ. За предѣлами же половой связи отношенія между ними не имѣютъ никакого *спеціального* характера и ничѣмъ не отличаются отъ отношеній между лицами одного и того же пола. *Вторая* точка зрѣнія, чисто *эволюціонная*, не считаетъ половую связь окончательною и навсегда фиксированною формою спеціальныхъ отношеній между обоими полами. Она скорѣе допускаетъ, что половая связь есть лишь элементарный видъ этихъ отношеній, что послѣднія не изъяты изъ универсальнаго процесса развитія и что въ дальнѣйшихъ стадіяхъ дифференціаціи они неизбѣжно должны терять свой грубо ве-

щественный характеръ. Читатель, конечно, уже успѣлъ изъ всего предыдущаго изложенія убѣдиться, что мы склоняемся въ сторону второго взгляда и что мы привели достаточно доказательствъ въ пользу него. Теперь намъ остается обратиться къ разсмотрѣнію того, что приводится въ доказательство перваго взгляда, котораго, какъ извѣстно, придерживается Августъ Бебель. Остановимся нѣсколько подробнѣе на разсужденіяхъ знаменитаго вождя германскихъ соціаль-демократовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что отрицаніе эволюціоннаго характера за процессомъ взаимодействія между мужчиною и женщиною должно подрывать логическія основанія семьи. Въ самомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе громадныя жертвы, съ которыми связанъ бракъ при современныхъ условіяхъ, нельзя не признать, что однихъ физиологическихъ доводовъ слишкомъ недостаточно для его оправданія. Бракъ, основанный исключительно на элементарной связи, имѣетъ очень мало цѣны въ глазахъ современнаго культурнаго человѣка. Поэтому нельзя сказать, чтобы (Бебель *) былъ непослѣдователенъ, когда требуетъ для отпращиванія половыхъ потребностей установленія большей свободы, чѣмъ это существуетъ въ современномъ обществѣ. По его мнѣнію, „человѣкъ долженъ быть въ состояніи настолько же свободно распоряжаться по отношенію къ своему сильнѣйшему побужденію, какъ къ остальнымъ естественнымъ побужде-

*) Тамъ же.

ніямъ. Удовлетвореніе полового побужденія ровно настолько же личное дѣло каждаго человѣка, какъ удовлетвореніе всякаго другого побужденія. Никто не обязанъ отдавать объ этомъ отчетъ другимъ и никто не имѣетъ права вмѣшиваться“.

Приведенныя разсужденія Бебеля справедливы лишь въ томъ случаѣ, если смотрѣть на бракъ исключительно съ точки зрѣнія удовлетворенія половой потребности. Въ интересахъ этого удовлетворенія Бебель ратуетъ за возможно бѣльшую свободу, какъ въ дѣлѣ заключенія брака, такъ и расторженія его. Легкость развода сама по себѣ нисколько не угрожаетъ общественной нравственности. Лучшимъ доказательствомъ справедливости этого можетъ служить еврейская раса, гдѣ полная доступность развода нисколько не препятствуетъ процвѣтанію семейныхъ добродѣтелей и гдѣ, несмотря на это, случаи развода очень рѣдки. Еврейская женщина занимаетъ, сравнительно, хорошее моральное положеніе въ семьѣ, являясь очень часто руководительницею всего того, что дѣлается внутри нея.

Въ обществѣ, въ которомъ преобладаютъ наиболѣе дифференцированныя формы семейной организаци, разводъ можетъ имѣть только значеніе благодѣтельнаго фактора. Уменьшая рискъ, сопряженный съ вступленіемъ въ бракъ, онъ долженъ косвенно вліять на сокращеніе количества неженатыхъ. Всегда возможны неудачныя брачныя комбинаціи и поэтому слѣ-

дуетъ давать возможность патологической социальной частицѣ распасться на свои составныя части, чтобы онѣ при иной комбинаціи могли, каждая въ отдѣльности, войти въ составъ болѣе нормальныхъ частицѣ. Разводъ въ такихъ случаяхъ имѣетъ за себя очень серьезные мотивы. Другое дѣло тогда, когда преобладаетъ физиологическій взглядъ на бракъ. При такихъ условіяхъ въ основѣ семейной жизни лежатъ низшія формы любви. Последнія, въ свою очередь, неизбежно приближаютъ общество къ безпорядочному половому сожителству въ силу высказаннаго нами выше соображенія, что чѣмъ ниже форма любви, тѣмъ больше число лицъ, удовлетворяющихъ ей. Разводъ здѣсь, конечно, уже теряетъ свое значеніе въ виду несложности его мотивовъ. Будетъ или не будетъ зарегистрирована та или иная мимолетная связь, это, во всякомъ случаѣ, такое обстоятельство, изъ-за котораго не стоитъ ломать копыя.

Безпорядочное половое сожителство, какъ мы уже знаемъ, преобладаетъ среди народовъ первобытныхъ, находящихся на самой низкой ступени культурнаго развитія. Начало его теряется въ доисторическихъ временахъ. Тѣмъ не менѣе, колоссальный шагъ назадъ нисколько не смущаетъ Бебеля. „Соціологія, — говоритъ онъ, — ничего новаго не устанавливаетъ въ этомъ отношеніи, а только возобновляетъ на болѣе высокой культурной ступени и при новыхъ общественныхъ формахъ то, что имѣ-

ло всеобщее значеніе на самой примитивной культурной степені до тѣхъ поръ, пока частная собственность не господствовала надъ обществомъ“. Такимъ образомъ, весь путь развитія, пройденный семьею отъ беспорядочнаго полового сожителства, Бебель считаетъ неправильнымъ, искусственнымъ и предлагаетъ вернуться къ той ступени, отъ которой началось отклоненіе въ неестественную, по его мнѣнію, сторону. Кто хоть сколько нибудь знакомъ съ естествознаніемъ не можетъ уже допустить, чтобы природа могла чуть ли не цѣлыя тысячелѣтія терпѣть неестественный порядокъ вещей. На пути эволюціи человѣчество очень часто по невѣдѣнію ставитъ преграды, но опытъ вѣковъ показываетъ, что они никогда долго не держатся. Если согласиться съ Бебелемъ, то нужно вычеркнуть, какъ неправильныя, всѣ фазы развитія семейнаго начала, относящіяся ко *всему* періоду историческаго существованія человѣчества. Это выходитъ, признаться, уже нѣсколько чудовищно. Гораздо естественнѣе мы поступимъ, если отнесемъ болѣе положительно къ этому періоду и, извлекиши основной принципъ, заложенный въ немъ, будемъ предупреждать при помощи него дльнѣйшій путь эволюціи семейныхъ отношеній. Мы уже не разъ имѣли случай отмѣтить основное стремленіе семьи къ увеличенію своей компактности, при чемъ всегда подчеркивали то обстоятельство, что моногаміей исчерпывается только фізіологическая компактность, что дальнѣйшее разви-

тіе послѣдней впредь будетъ уже совершаться исключительно въ сферѣ духовной и что динамика семьи будетъ такимъ образомъ все болѣе и болѣе усложняться. Далѣе, мы пришли къ тому выводу, что болѣе правилень и болѣе соотвѣтствуетъ природѣ вещей тотъ взглядъ, по которому отношенія между обоими полами представляютъ эволюціонную лѣстницу, на которой половой рефлексъ составляетъ лишь первую ступень. Произведя психо-физиологическій анализъ взаимодействія между мужчиною и женщиною, мы отмѣтили главные принципы, лежащіе въ основѣ сейчасъ упомянутаго эволюціоннаго процесса и констатировали, что женщина въ состояніи вызывать въ мужчинѣ рефлексы различной степени сложности въ зависимости отъ ея умственнаго развитія. Съ другой стороны, мы знаемъ, что между характеромъ внутренней организаціи семейной жизни и степенью сложности сейчасъ упомянутыхъ рефлексовъ существуетъ строгое соотвѣтствіе — обстоятельство, дающее ясныя указанія на то средство, при помощи котораго семья можетъ достигнуть высшихъ формъ своего развитія. Мы разумѣемъ предоставленіе широкаго доступа женщинамъ къ высшему образованію, преимущественно университетскому, какъ наиболѣе соотвѣтствующему особенностямъ психической организаціи ея. Чѣмъ быстрѣе будетъ подниматься средній уровень умственнаго развитія современной женщины, тѣмъ скорѣе бракъ перестанетъ быть пугаломъ для интеллигентна-

го человѣка и сдѣлается даже необходимою, наилучшимъ образомъ благопріятствующей самобытному развитію индивидуальности мужчины и женщины. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ исчезновеніемъ низшихъ формъ любви значительно очистится общественная нравственность. Число женщинъ, остающихся внѣ брака, будетъ постепенно уменьшаться и соотвѣтственно этому будетъ ограничиваться сфера заботъ объ экономическомъ положеніи женщины.

Образованіе — это самый главный факторъ индивидуальной дифференціаціи. Оно поможетъ намъ уловить особенности женской природы, такъ какъ, мы знаемъ уже, различія рельефнѣе всего выдѣляются въ дифференцированныхъ состояніяхъ. Получится тогда возможность приспособлять наши мѣропріятія къ этимъ особенностямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удобная почва для рациональнаго рѣшенія женскаго вопроса. Пока же пропасть, раздѣляющая въ умственномъ отношеніи обѣ половины человѣческаго рода и очень часто обусловливаемая ею разница въ индивидуальномъ достоинствѣ супруговъ дѣлаютъ невозможнымъ расширеніе нѣкоторыхъ правъ женщинъ даже въ такой передовой странѣ, какъ Англія. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ избирательныя права. Въ февралѣ 1897 года нижняя палата англійскаго парламента отклонила билль о предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ. Противъ билля, главнымъ образомъ, вотировала либеральная партія. Противъ него же возставалъ даже представитель

лѣвой фракціи виговъ *Лабушеръ*, назвавшій проектъ *прыжкомъ въ неизвѣстность*.

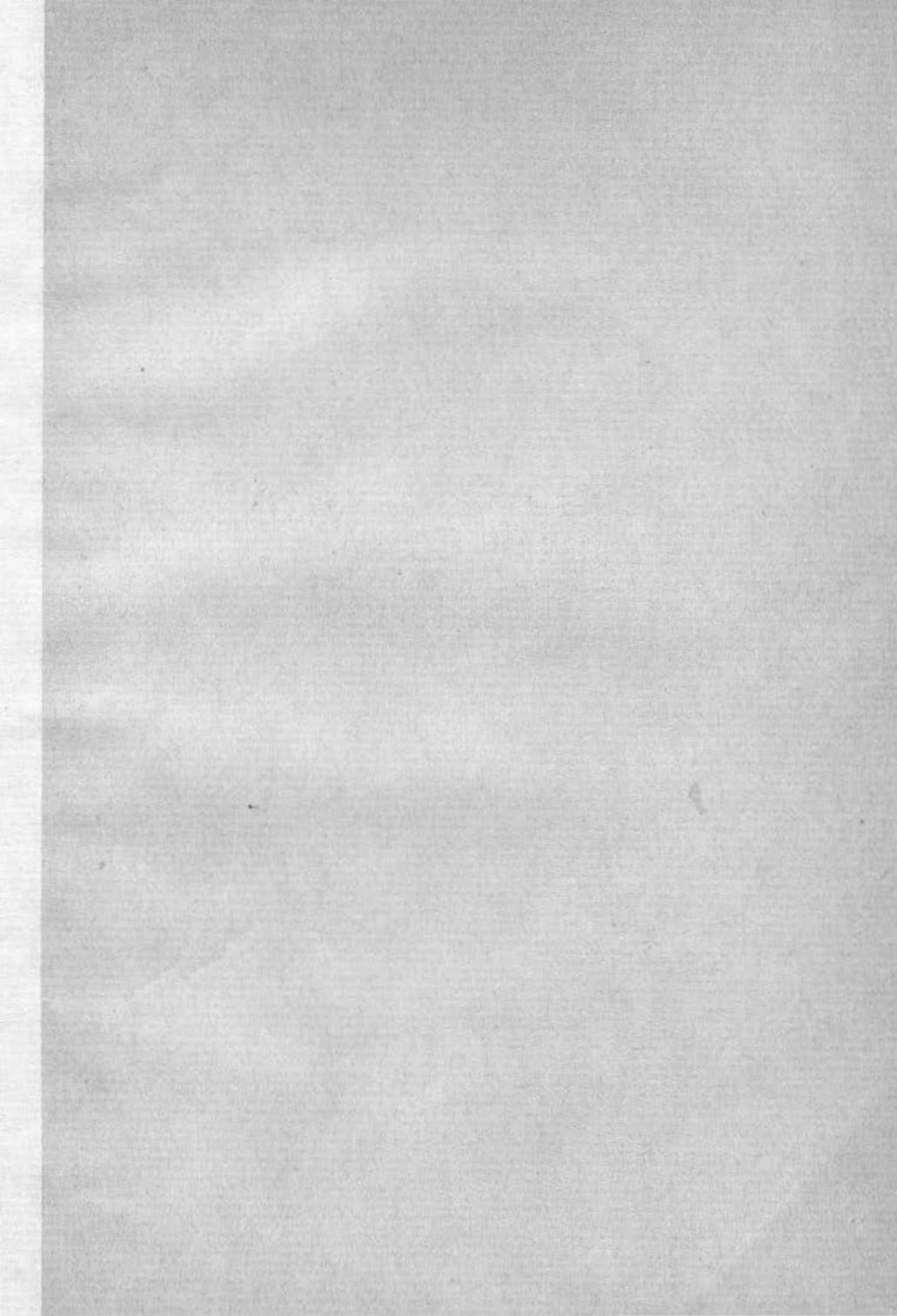
На первый взглядъ, кажется нѣсколько парадоксальнымъ, что *либеральная* партія отвергаетъ билль, направленный къ расширенію политическихъ правъ женщинъ. Но если присмотрѣться ближе къ обстоятельствамъ дѣла, то оно становится вполне понятнымъ. Либерализмъ, какъ мы знаемъ, ставитъ себѣ основною цѣлью охрану процесса постепеннаго органическаго развитія отъ всякихъ внѣшнихъ вмѣшательствъ, могущихъ внести въ него искусственный элементъ. Въ современной семьѣ женщина сплошь и рядомъ занимаетъ подчиненное положеніе и въ силу этого является объектомъ постоянного давленія со стороны мужа. Если мы при такихъ условіяхъ предоставимъ женщинѣ избирательныя права, не устранивъ предварительно причинъ, обуславливающихъ упомянутое выше невыгодное положеніе ея въ семьѣ, то получится то, что одерживать верхъ будетъ та политическая группа, которая насчитываетъ въ своей средѣ большее количество женатыхъ. Въ составъ соціальной равнодѣйствующей будетъ, такимъ образомъ, включенъ искусственный моментъ, а это именно и нежелательно съ точки зрѣнія идеи истиннаго либерализма. Отмѣченное неудобство, разумѣется, имѣетъ значеніе по столько, по сколько дѣло идетъ о правѣ избирать, но не о правѣ быть избираемою, такъ какъ достоинство избираемаго всегда болѣе очевидно

и болѣе доступно общественному контролю, чѣмъ достоинство избирателя.

Приведенный примѣръ, смѣемъ думать, довольно ярко иллюстрируетъ необходимость поднятія умственнаго развитія женщины до уровня, одинаковаго съ мужчинами. Это есть фундаментъ, безъ котораго немыслимы болѣе или менѣе крупныя рациональныя шаги въ женскомъ вопросѣ.

К О Н Е Ц Ъ.

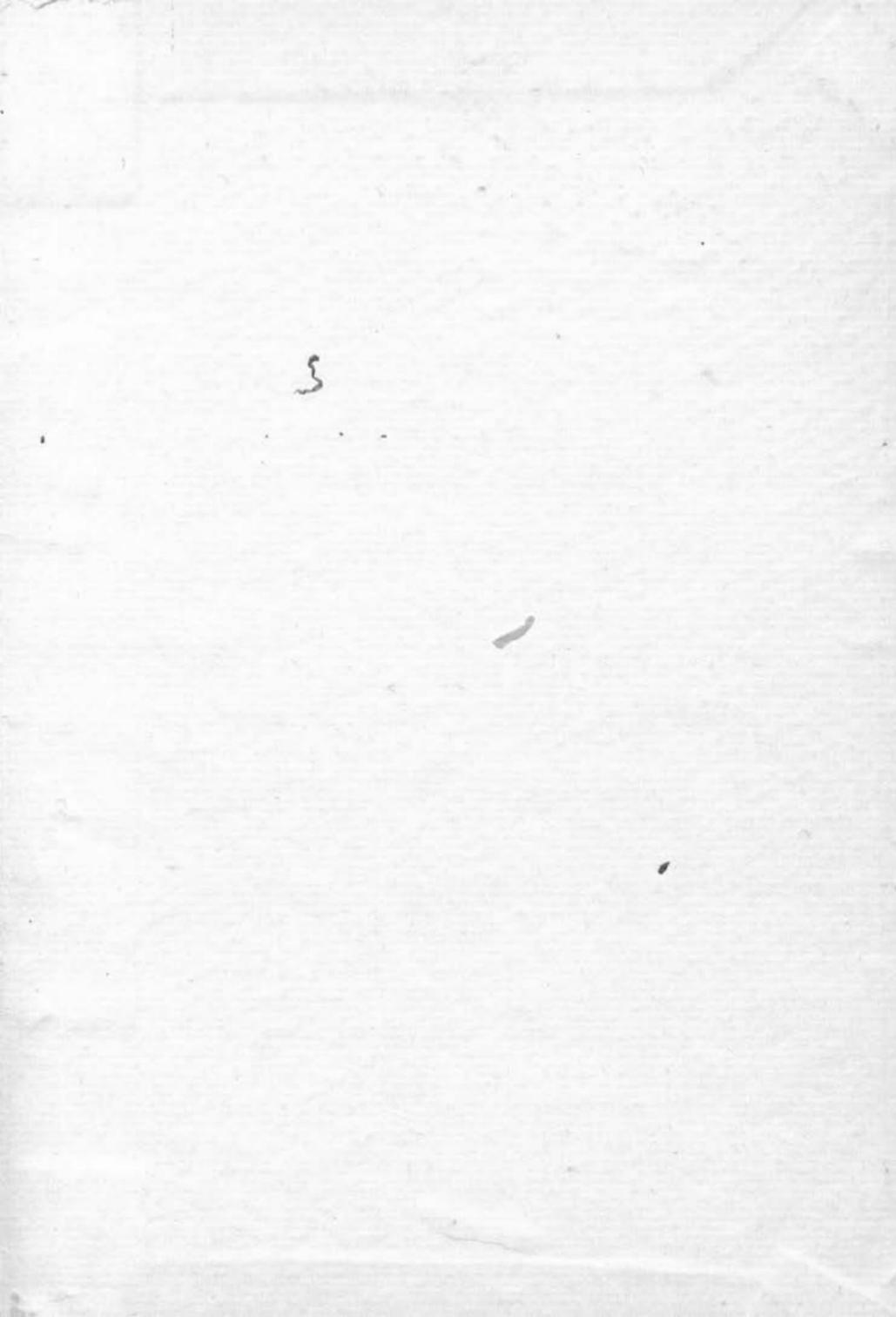

Цѣна 50 коп.

A decorative price label with ornate scrollwork and a central arrow pointing down. The text "Цѣна 50 коп." is centered within the label. The number "50" is significantly larger than the surrounding text. The label features intricate scrollwork at the top and bottom, with a central arrow pointing downwards from the number "50".

100m
MB

2011136561